

АГАТА ЛЕЛЪ

БОСИКОМ
по осколъци

Агата Лель

Босиком по осколкам

<https://litres.ru/74463648>

Аннотация

Он появился в моей жизни, когда я уже ничего от нее не ждала. Мужчина, который помог мне забыть о горьком прошлом и смириться с непростым настоящим. Мужчина, который позволил поверить, что и в тридцать можно отчаянно полюбить. Кто он – моя последняя надежда обрести женское счастье, или безжалостный палач, что положит на плаху непростительные грехи моей юности? При этом он неизбежно обнажит свои. И неизвестно, чьи окажутся страшнее.

#скелеты в шкафу. У всех.

#тайны прошлого

#постепенное сближение героев

Однотомник!

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	12
Часть 3	19
Часть 4	29
Часть 5	39
Часть 6	47
Часть 7	56
Часть 8	69
Часть 9	75
Часть 10	84
Часть 11	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Часть 1

– Надька, это ты там?

Едва я вошла в дом, как сразу услышала голос матери из соседней комнаты. Нетерпеливый и требовательный, словно я в чем-то перед ней заочно провинилась.

– Так ты или нет?

– Я, мам, – устало отозвалась я из коридора.

– А чего молчишь?

– Обувь снимаю.

Ноги после долгой дневной смены гудели просто ужасно, хотелось принять душ, упасть в кровать и тут же уснуть. Без мыслей, без сновидений. Но я знала, что ни то ни другое невозможно. Нужно приготовить ужин, поставить маме укол, померить давление, закинуть стирку, а потом все развесить.

Да и мысли... разве от них куда-то убежишь...

– Лекарства принесла мои? – донеслось грубоватое из комнаты.

Она вообще разговаривала так, словно постоянно за что-то отчитывала. Рублеными недовольными фразами. В детстве я жутко боялась этой ее особенности, а сейчас нормально, привыкла.

– Принесла, – отодвинув засаленную занавеску, вошла в спальню матери. Спертый воздух сразу же ударил в нос –

открывать окно она категорически не разрешала. Боялась сквозняков и того, что кто-нибудь залезет. Воевать с ней было совершенно бессмысленно, и я даже не пыталась.

Опустив на тумбу, заваленную всякими склянками и блистерами таблеток пакет с логотипом аптеки, на автомате забрала грязную тарелку.

– Все, что было в списке.

– Подай-ка. И свет зажги.

Я сделала то, что она попросила.

Мама, чуть приподнявшись на многочисленных подушках, опустила на глаза очки, достала из пакета чек и принялась дотошно изучать стоимость препаратов.

– Ну вот, Пропилил без скидки взяла.

– Не было на него скидок.

– В другую аптеку бы зашла! Но куда там, лень поди. А пенсия у матери ведь безразмерная.

– Я с раннего утра на работе, – стараясь держать себя в руках, процедила я. – Устала.

– Устала, – фыркнула она. – Знаю я, чем вы там занимаетесь. Чаи весь день гоняете и смолите одну за другой на заднем дворе.

– Ты же знаешь, что я не курю.

Это уточнение она оставила без комментариев, перейдя теперь на изучение многочисленных коробочек. От давления, от сердца, от боли в почках – список этот был бесконечен.

– Ну вот, срок годности до декабря месяца. Куда смотрела?

– Сейчас июнь. Ты за две недели всю пачку выпьешь.

Этот аргумент ее совершенно не убедил, и она продолжила ворчать, пока я пыталась навести хоть какое-то подобие порядка на ее тумбе, потому что знала, что сама она этого делать не будет. Зарастет в грязи, но палец о палец не ударит, ссылаясь на больные ноги и прочие проблемы со здоровьем.

А они у нее действительно были, хотя не такие страшные, как она любила преувеличивать. Уж я как медицинский работник точно это знала, изучала результаты довольно сносных анализов. Сахарный диабет, гипертония, проблемы с венами – все это было следствием большого лишнего веса. Сто восемьдесят килограмм, и останавливаться на достигнутом она не собиралась. Ходить она категорически не любила, делая это только по острой необходимости когда меня нет дома. Но когда была, она буквально прирастала к своей продавленной кровати.

– Двести десять рублей лишних отвалила, – едко отметила она, убирая лекарства обратно в пакет. – Конечно, мы же миллионеры.

– Мам, прекрати. Я правда очень устала и не хочу слушать твои претензии, – сдерживая раздражения, открыла дверцу шкафа, засовывая туда стопку полотенец, что оставила еще утром. Разумеется, она и не подумала убрать их сама.

Терпи, Надь. Пожалуйста, терпи. Родителей не выбирают.

– Раиса Ивановна? Вы не спите? – раздался в коридоре мужской голос. Я нахмурилась и перевела вопросительный взгляд на мать.

– Не сплю, не сплю. Заходите, – отозвалась она, как обычно игнорируя меня.

В комнату вошел высокий мужчина. Высокий настолько, что ему пришлось нагнуться чтобы не удариться головой о косяк.

Меня он сразу не заметил за распахнутой дверью шкафа.

– Вы подойдите, я не встаю почти, у меня ноги больные... – завела любимую песню.

– Вот, принес деньги. Пришлось ехать в город, наличные снимать, – деликатно положил на край заваленного комода несколько красных купюр. – Пересчитайте.

– Ага, ага, – мама проворно взяла деньги, ослюнявила палец и принялась пересчитывать банкноты. В это время мужчина тактично осматривал комнату, ввергая меня в неловкость за затхлый запах и завал старого, но очень "нужного" матери барахла.

Когда он обернулся и увидел меня, я поразилась двум вещам: как изменилось его лицо, и каким это лицо было благородным. По-мужски красивым.

Я точно не знала его, но он смотрел на меня так, словно *он* знал меня.

– Все в порядке, Роман, – отвлекла нас от рассматривания друг друга мать. – Тут больше на пятнадцать тысяч, обсчитались, поди.

– Оставьте себе, – ровно отреагировал он.

Мама сразу же довольно раскраснелась. Но приняла как должное, даже спасибо не сказала, чем снова заставила ощутить испанский стыд.

– Вы уж извините, что пришлось вам побегать, я карточками этими банковскими не пользуюсь совсем. Из дома ведь не выхожу. У меня же ноги больные и давление.

Роман медленно отвел от меня взгляд и вернул его маме.

– Если будет что-то нужно – заходите, спрашивайте. Я всегда тут. Всегда на месте.

– Хорошо. Доброй ночи, – снова наклонившись под косяком, мужчина ушел. А я простояла еще какое-то время в странном оцепенении.

Он не смутил меня, нет, я уже давно не в том возрасте чтобы краснеть от взглядов мужчин, но что-то было в его этом взгляде... Что-то необъяснимое. В нем был как будто бы некий интерес. Узнавание.

И в нем определенно было сочувствие.

– Постоялец наш новый, – ввела в курс дела мать, бережно убирая купюры под грудку подушек. Я знала, что никогда этих денег не увижу. Куда она их девала – я была не в курсе. Да и мне было все равно.

– Ты домик летний ему сдала?

– Сдала. А ты против? – хмуро сдвинула брови. – Или нам деньги лишние?

– Я не против, с чего ты взяла.

– За три месяца сразу заплатил, повезло как. Еще и накинул сверху. Жаль, что от моря далеко живем, так бы деньги лопатой гребли, как Зинка.

Зинка – ее родная сестра, с которой они вот уже много лет не общаются. И я не удивлена, ведь выдержать скверный мамин характер могу только я. Живет тетя действительно прямо у моря, в трех минутах ходьбы, а мы далеко, на самом въезде в поселок. Совсем непопулярное место у туристов, которым хочется жить поближе к воде, набережной, веселью. Но изредка и у нас останавливаются вот такие любители тишины. Или командировочные, которым нужно что-то подешевле.

На целых три месяца снял... Значит, второе. Возможно, работает где-нибудь в порту. Или строит на первой линии тот новый гостиничный комплекс. Хотя на простого работающего совсем не похож, слишком холеный.

И зачем его сюда занесло?

– Ладно, я к себе пойду, – захлопнула дверцу шкафа. – Дел еще куча.

– А переехала бы ко мне, и твою половину дома бы сдали, – заворчала. Тоже ее любимое. – Деньги неплохие бы получали.

– Нет! – твердо отрезала я. Я во многом ей уступала, но

здесь была непреклонна. — Я буду жить у себя.

— Да на лето только!

— И где мне спать у тебя тут? На полу? — начала заводить-ся. — В коридоре? Может, на чердаке, среди хлама и крыс?

— Раскладушку вон поставила бы в угол, — кивнула. — То-же мне, паца. Пожила в городе, в достатке, а теперь от дома родного нос воротит. А ты родилась здесь, между прочим! Давно голубых кровей стала?

— Все, я к себе.

Задернув занавески, выбежала из затхлой духоты дома. Положив ладони на прогнившие перила, подняла глаза к усе-янному звездами небу, втянула влажный южный воздух. Ко-торых когда-то безумно любила, и который сейчас букваль-но душил.

Возьми себя в руки. Не вздумай раскисать. Не злись. Тебе некуда пойти. Просто терпи. Она твоя мать и никуда от этого не деться.

Под оглушительный стрекот сверчков обогнула наш ста-рый дом, к своей половине, состоящей всего из одной ком-наты, крошечной кухни и террасы. В противовес маминой половине у меня там практически не было мебели, от чего дышалось значительно легче. Односпальная кровать, шкаф-купе с зеркальными створками, плоский китайский телеви-зор на стене и косметический столик. Вот и все богатство.

То, что бросила мне мама до сих пор стояло в голове. *"По-жила когда-то в городе, в достатке, а теперь от дома род-*

ного нос воротит".

Как будто я вернулась сюда по своей воле. Как будто бы я этого хотела.

Как она может вот так, по больному?

Как? После всего, что она мне сделала... И что теперь я, не держа зла, делаю для нее...

В летнем домике, прямо напротив моего, в единственном окне загорелся свет, и я сразу вспомнила о новом постояльце.

Свет быстро потух, потом скрипнула дверь, и Роман вышел на порог.

Было очень темно, и я никак не могла видеть куда направлен его взгляд, но клянусь, я *чувствовала*, что направлен он был на меня.

Часть 2

Несколько дней Роман отсутствовал, летний дом пустовал. Я уходила на работу – его не было, приходила – тоже. Никаких признаков жизни. Не то чтобы меня это сильно трогало, просто было интересно, где может пропадать человек столько времени?

Зачем тогда снимал жилье, раз не собирается тут жить?

– Ну что, не приехал он там? – спросила в один из вечеров мама. Как всегда ворчливо и недовольно.

– Вроде бы нет.

– И где шляется только... Небось крутит с полуголыми бабами на пляже, все они такие, кобели.

Мама – жуткая мужененавистница, абсолютно любой представитель мужского пола был для нее по умолчанию бабником, гулякой и прочие нелицеприятные эпитеты. Некое оправдание для такого отношения у нее в общем-то было – когда мне исполнилось десять, отец ушел к другой женщине. Жуткий тогда разразился скандал! Мать его не отпускала, кричала, рыдала, грозилась что-то сделать и с собой и даже со мной – главной причиной ее неустроенной личной жизни.

То, что отец был ценителем женской красоты знала даже я, будучи совсем ребенком. Стоило в поселке поселиться молодой привлекательной женщине – отец мгновенно начинал

ее обхаживать. Изменял, да, но всегда возвращался домой. К своей злой набравшей приличный вес жене.

«— Это все ты виновата! Ты! — часто кричала мама, заставляя меня вжиматься от страха в спинку кровати, прикрываясь старым замусоленным плюшевым мишкой. — Если бы не ты, я бы не стала похожа на бочку! Всю молодость и красоту ты из меня высосала! Зачем нашему отцу теперь такая как я? Он нас бросит. И бросит из-за тебя!»

Я не понимала, причем здесь я, ведь она набирает потому что много ест... но свято верила, что действительно виновата во всех смертных грехах.

Когда отец действительно ушел, начался настоящий ад. К обвинениям стали добавляться рукоприкладства, грязные оскорбления, особенно если выпьет. А пила она она тогда довольно часто.

Я мечтала только об одном — вырваться из этого кошмара. Куда угодно, с кем угодно. Забыться...

Забылась. И наломала столько дров, что по сей день не разгрести.

— Может, работает человек, нам какая разница, где он, — пожал плечами я, работая в кулаке "грушей" тонометра. — Сто сорок на девяносто пять.

— Ох, повышено снова, — запричитала мать, опуская рукав

халата. – Главное, чтобы проشمандовок залетных сюда не таскал. Еще заразы нам тут не хватало.

– Да он вроде бы не похож на гулящего.

– Много ты понимаешь в мужиках! – с презрением бросила она. – Тебе напомнить каких ты выбираешь? Вся в папашу!

– Разумеется, – процедила под нос я, резко собирая тонометр. – Еще я тебе жизнь сломала.

– А это не так, скажешь? – сразу же взвилась она. – Не так? Я, пока ты не родилась, знаешь какая я красавица была? Та-лия осина-я! Мужики шеи сворачивали и в очереди стояли. А отец твой, знаешь как меня любил? Души не чаял! Раечка то, Раечка сё. На руках носил. А потом беременность и плюс двадцать килограмм. А ведь я не хотела рожать, не хотела! Это папаша твой, чтоб он сдох, заставил тебя оставить, а сам свалил потом, скотина. К чужим бабам под юбки, а ты кру-тись тут одна как хочешь с дитем малым. И если бы еще дитё благодарным было, а не как ты.

– Спокойной ночи, – поднялась, – я к себе.

Под непрекращающийся бубнеж вышла из ее половины дома, ощущая бешеное биение пульса. Желание напомнить ей о том, что мне сделала *она*, было такое нестерпимое... На-помнить, бросить словно горсть нечистот прямо в лицо... но с годами я научилась держать себя в руках, чему была очень рада. Ни к чему хорошему взаимные оскорбления не приве-дут, она все равно ни за что не признает свою ошибку, кото-

рая сломала мне жизнь. Никогда не извинится.

Наступит день и все обязательно изменится. Нужно только немного подождать.

Раздалось шуршание шин, какая-то машина подъехала к дому. Потом шум мотора затих, хлопнула дверца. Открылась и закрылась калитка.

Я неспешно спустилась с прогнивших деревянных ступенек и увидела Романа, шагающего под крышей из густых ветвей разлапистого абрикоса.

Светлая футболка оттеняла какое-то слишком уж незагорелое для наших мест лицо. Если он где-то и работает, то точно не на свежем воздухе. И точно не шляется на пляже, в чем со вкусом обвинила его мать.

– Добрый вечер, – поздоровался первым он.

– Здравствуйте. Как проходит отпуск?

– Отпуск нам только снится, – он едва заметно улыбнулся и подстроился под мой неторопливый шаг.

– А кем вы работаете?

– Я? – последовала секундная пауза. – Я работаю водителем такси.

– Водителем такси? – я окинула его взглядом недоверия, что он сразу заметил.

– А что, не похож?

– Если честно, нет. Совсем не похож.

– Почему?

– Я живу здесь с рождения... Ну, за исключением несколь-

ких лет жизни в городе. Вы точно не похожи ни на одного из наших хамоватых таксистов.

Он дернул плечом и никак не прокомментировал мое точное замечание.

Я снова искоса взглянула на него: фигура была крепкой, жилистой. И пахло от него очень вкусно, каким-то знакомым дорогим ароматом.

Если он и водила, то какой-то неправильный.

Мы обогнули дом и остановились на заросшей тропинке, разделяющей мою половину дома и его летнюю пристройку.

– А где вы были все эти дни? – все-таки не удержалась от любопытства.

Он бросил на меня удивленный взгляд.

– Простите?

– Вас долго не было. Не подумайте, что лезу в ваши дела, просто мало ли что. У нас спокойный поселок, но всякое случается. Вы бы хоть номер телефона оставили. На всякий случай.

– У вашей мамы есть все мои данные.

– И копию паспорта попросила?

– Угу.

Я изобразила "рукалицо".

– Извините ее, у нее с доверием большие проблемы.

– В наши дни это нормально. Перестраховка не помешает.

А у вас, я так понял, не слишком теплые отношения?

– О, это еще мягко сказано, – нервно хохотнула я. – Мы да-

леки от идеального понятия "мама-дочь" как земля от Юпитера.

Он чуть-чуть улыбнулся. Мы оба замолчали.

Я не чувствовала никакой неловкости, может, даже наоборот. Впервые за долгое-долгое время мне было комфортно наедине с малознакомым мужчиной.

– А вы где работаете? – нарушил тишину он.

– В нашей больнице, медсестрой.

– Благородная профессия.

– Судя по зарплате – нет.

Он снова улыбнулся. И как мне показалось снова посмотрел на меня с неким сочувствием. Даже может быть какой-то виной. словно это он сидит на вершущке районного Облздрава и распределяет заработную плату медикам.

– Я на высшее хотела пойти, врачом мечтала стать. Но... в общем, не срослось.

– Почему? – спросил он с по-настоящему живым интересом.

– Замуж вышла.

– Муж не давал вам учиться?

– Просто стало не до этого, – элегантно ушла от ответа я.

– Закончила только медколледж.

Он понятливо кивнул.

Вообще, я не слишком люблю открываться людям, даже близким, про чужих и речи нет, а ему и так уже много сказала. Для первых пяти минут общения – даже слишком.

– Вы надолго к нам? – перевела тему я, кивнув на летний дом. – Или опять пропадете?

– Не знаю. Как пойдет.

– Понятно, – мы снова помолчали.

На дворе уже давно стояла ночь. Вернее, было темно, как ночью, хотя время только приближалось к десяти. Из-за гор темнело у нас довольно рано. Небо как обычно было усеяно миллионами звезд – ни в одном городе такой красоты не увидишь.

Я любила свой поселок. Но слишком уж много с ним было связано плохих воспоминаний.

– Спокойной ночи, Роман, – вздохнула я. – Хотя изредка появляйтесь, чтобы мы не волновались. Все-таки в какой-то степени на нас лежит некая ответственность за наших постояльцев.

– Хорошо, не буду надолго пропадать.

Я кивнула и неторопливо вошла в дом. Там, не включая свет, подошла к окну. Роман сидел на ступеньках своей летней времянки. Один, в полной тишине.

Я совершенно не знала этого человека, но почему-то была твердо уверена, что никакой он не таксист.

Зачем он тогда обманул меня?

Какой в этом смысл?

Впрочем, это не мое дело. В конце концов я тоже не была с ним честна.

Часть 3

На следующий день у меня был долгожданный выходной, но прохлаждаться не было времени: стирка, уборка, готовка – бесконечный день сурка.

Выгрузив стиральную машину, я сложила выстиранное белье в таз и вышла на улицу. Стоял очередной жаркий день. Влажный. И если бы не жгучее солнце, белье ни за что бы не просохло как следует даже до завтра.

Смахнув с веревок, натянутых между старых яблонь, пыль, принялась развешивать ворох разноцветных тряпок. И только теперь, выкроив минутку между рутинным делом, бросила беглый взгляд на соседний домик – дверь закрыта, видимо, снова никого нет.

И где он пропадает постоянно? Посмотреть бы на него при свете дня. Может, он и не настолько уж хорош, как изначально показалось.

– Доброе утро, – раздалось за спиной. Я резко обернулась и увидела Романа.

Увы, но нет, днем он был ничуть не хуже, чем ночью.

Судя по наброшенному на одно плечо полотенцу и каплям воды на не лишенной умеренной растительности груди, он принимал душ, летний, что стоит на заброшенном огороде.

Когда я год назад вернулась домой, мать пыталась подбить меня выращивать там всякие огурцы-морковку, но я наотрез

отказалась. Только огорода мне не хватало до полного самоуничтожения.

– Доброе, – скользнула быстрым взглядом по его голому торсу и вернулась к развешиванию белья. – У вас тоже выходной?

– Да. Внеплановый, так скажем.

– Понимающий начальник?

– Очень понимающий. Помочь?

– Нет, спасибо, уж с этим я точно сама справлюсь, – встряхнув наволочку, аккуратно растянула ее на веревке и прижала прищепкой, а потом услышала из открытого окна на веранде характерное шипение. – Ох, черт!

– Что случилось?

– У меня же там борщ на плите! Подержите! – бесцеремонно всучив ему таз, рванула в дом.

Борщ выкипел, залив конфорку красной жижей. Пока избавлялась от последствий гастрономической катастрофы, прошло несколько минут и, выйдя снова во двор, увидела, что практически все белье развешано на веревках.

– Ого, ну надо же, – присвистнула я, оценивая проделанную работу. На дне таза остались несколько моих разноцветных трусиков, и Роман то ли из корректности, то ли руки не дошли, но трогать их не стал. – Спасибо, – забрала таз, – дальше я сама.

Абсолютно не стесняясь, быстро развесила гирлянду из нижнего белья.

– Что там произошло? – спросил он, кивнув на веранду, на которой располагалась моя крошечная кухня.

– Борщ выкипел.

– Вот откуда такие ароматы.

– Несмотря на урон, осталось еще много. Будете?

– Мне как-то неловко...

– А копаться в чужом белье, значит, ловко, – шутливо поддела я.

– Но оно же не грязное, – не спасовал он. – Если предложение в силе, не откажусь. Я про борщ.

– Тогда идем.

– Надюш, привет! – раздалось за спиной. Обернувшись я увидела у забора, разделяющего наш дом и соседский, свою подругу и бывшую одноклассницу Веру. Заколов свои ярко-рыжие кудри салатовой заколкой "крабом", она не отрываясь смотрела на нашего нового постояльца. – Выходной сегодня?

– Выходной.

– Я забегу тогда вечером, да?

– Ну забегай, – и уже тише Роману: – Заходите.

Ел он быстро, но не торопливо, и большим аппетитом.

Мне было приятно наблюдать за ним, и я мысленно поблагодарила мать, что с раннего детства научила меня сносно готовить. Хоть какая-то от нее польза, помимо психологических травм привнесла в мою жизнь что-то стоящее.

– Еще хлеба?

– Не откажусь.

Я отрезала еще пару кусков и проложила в плетеную корзинку.

– Спасибо, очень вкусно, – похвалил он, вгрызаясь в свежий кусок. – Давно не ел домашней еды.

– Потому и вкусно, наверное, раз давно не ели.

– Нет, вы действительно отлично готовите.

Крепкий мужчина, такому нужно много энергии. Если давно не ел нормальной еды, кто же и чем его кормит?

Я забрала со стола свою пустую тарелку и, включив воду, принялась мыть.

– А вы женаты, Роман? – спросила, не оборачиваясь.

Последовала продолжительная тишина.

– Нет, – ответил он наконец.

– А были?

Снова тишина.

– Был.

Ему определенно неприятно говорить об этом, это буквально витало в воздухе, и я решила не лезть под кожу незнакомому человеку. Может, его жена ушла, променяв его на другого, кто знает. А может, что-то еще, о чем он не хочет вспоминать.

Когда я вернулась обратно в поселок, некоторые усиленно совали нос в мою прошлую жизнь. Очень уж им хотелось познакомиться с деталями, вынюхать пикантные подробности. Боль-

ше года прошло, но какая-нибудь соседка нет-нет да пытается задать какой-нибудь вопрос, ответ на который ее совершенно не касается.

Я как никто знала, насколько это раздражает. Поэтому пресекла проклюнувшееся любопытство на корню.

– Хотите чаю? – обернулась, и сердце сжалось, увидев его осунувшееся лицо и какой-то словно остановившийся взгляд. Он возил ложкой в остатках остывающего борща, видимо, не в силах больше проглотить и кусочка.

Вот я дура, разбредила своим вопросом какую-то его рану! Но я ведь не знала...

– У меня хороший чай, с мятой. Есть с чабрецом. Он специфичный, но полезный, говорят.

– Я, наверное, к себе пойду, – отодвинув табурет, поднялся, едва не касаясь макушкой потолка времянки. – Благодарю за обед.

– Не за что. Заходите.

Он ушел, а я еще долго прокручивала в голове нашу беседу. Вспоминала его реакцию на мои бестактные, как оказалось, вопросы. Вспоминала свое прошлое, которое никогда меня уже не отпустит...

Хороший мужчина, видно, что положительный. И красавец какой. Зачем его сюда занесло? Явно же не загорать приехал.

Впрочем, это тоже не мое дело. Со своей бы жизнью разобратся.

Вечером ко мне, как и обещала, заглянула Вера. Июнь только начался, а ее кожа уже приобрела стойкий шоколадный загар. Не смотря на троих детей, к слову, от разных мужчин, она каким-то образом умудрялась уделять себе непростительно много времени.

Лично я в этом году еще ни разу не видела моря, хотя живу рядом. Да и вряд ли увижу – некогда. Дом, работа, мать... когда?

– Вот, – грохнула по столешнице донышком бутылки она. – Домашнее, отвал башки.

– У Розы взяла?

– Только у нее и беру. Чача у нее, кстати, тоже обалденная, попробуй как-нибудь. Она тебе скидку хорошую сделает.

– Ой, ты же знаешь, что я крепкое не пью. Не люблю, – и достала из подвешного шкафа два фужера. – Вот вино, тем более наше, с местных виноградников – дело другое. От него даже не пьянеешь.

– Ну это смотря сколько выпить, – хохотнула. – Может, в саду посидим? Чего мы дома-то, в духоте, в такой-то вечер.

– Ну идем.

Смахнув с потрескавшегося от времени столика опавшие веточки и листву, сели с Верой на такие же допотопные деревянные лавки, вкопанные в землю еще моим отцом, лет двадцать назад. Я поставила тарелку с немудреной закуской: виноград, кусочки сыра, пиалу с медом. Разлили напиток по

бокалам, чокнулись, сделали по ароматному глотку.

– Хорошо сидим, – вытянула загорелые ноги Вера. – Мужичка бы сюда.

– Господи, Вер, – я прыснула от смеха, – ты когда-нибудь угомонишься?

– А что такого? Мне всего лишь тридцать. К слову, как и тебе. Когда еще о них думать, как не сейчас? Без мужика, Надюх, сама знаешь – тоска серая.

Моя улыбка сама по себе спала.

– Надь, ну ты не грусти только, – поняла, что завела не ту тему Верка. – Время лечит. Сколько прошло уже?

– Почти полтора года.

– Ну вот. Пора о будущем думать. Обязательно встретишь еще кого-то достойного.

– Где бы его еще взять, – я покрутила в руках ножку бокала. – Да и знаешь, не хочется уже ничего.

– В смысле где взять? Постоялец этот ваш новый, допустим, – Вера понизила тон и выразительно поиграла бровями в сторону летнего домика. – Хорош. Только сегодня его как следует рассмотрела. Такое ощущение, что я его уже где-то видела раньше. Кем он работает, не знаешь?

– Он таксист.

– Таксист? – удивилась она не меньше чем я вчера. – Вообще не скажешь.

– Это да, не скажешь.

Я искоса посмотрела на дом – дверь была заперта. Но в

этот раз я знала, что его точно нет, видела, как уехал ближе к вечеру.

– Его сначала матушка моя перехватила, – сделала внушительный глоток Вера. – Предложила ему наш домик, но он ни в какую. Захотел снять именно ваш. Хотя будем честными, у нас апартаменты после ремонта, телевизор есть и душ внутри. И цена почти такая же.

– Странно, ваш домик действительно однозначно лучше.

– Так и я о чем! Может, он этот, как его там... аскет? Ну, которые сами лишают себя комфорта. В целях достижения духовного пробуждения.

– Вер, ты что, читать начала? – снова прыснула я. – Я от тебя таких умных слов раньше не слышала.

– Где я и где читать? В передаче вчера слышала, про путешествия. Вот бы побывать хоть где-нибудь кроме нашей дыры, – мечтательно закатила глаза. – Я же не была нигде никогда. А ты была?

– Только в Турции, давно еще.

– Ну хоть в Турции. А мне с моими спиногрызами дальше огорода не отойти, нарожала на свою голову.

Моя улыбка снова испарилась. Против воли. Сама по себе.

– Да все еще будет, Надь, – Вера протянула руку и сжала мою ладонь. – Вот увидишь. Ты же точно не бесплодна, а значит, все впереди. Осталось только найти от кого рожать.

– А подлей-ка мне лучше еще, – сменила я тему, не желая продолжать старую. Замужество, ребенок – то, о чем я не

люблю говорить. И не люблю вспоминать.

Хотя если первое – это просто боль, то второе – боль с примесью предвкушения.

Не так давно я узнала кое-что, что может перевернуть мою жизнь. И я молюсь, чтобы это оказалось правдой.

– Надо мужичка этого в следующий раз к нам позвать, – хитро прищурила глаза Вера. – Постояльца вашего. Как зовут его?

– Роман.

– Рома-Рома-Роман, мужчина все-ей моей жизни-и... – озорно напела строчку из старого трека Вера. – Ну просто краш.

– Краш? – хохотнула я.

– Ну а что? Ника так моя говорит.

– Так Нике твоей двенадцать! Ей положено так выражаться.

– Ой, не будь бабкой, мы еще молодые, – отмахнулась Вера, которой в душе очевидно еще не стукнуло больше семнадцати.

Легкий характер вкупе с крайней степени наивной доверчивости привели к трем детям от трех разных мужчин. Все были туристами, след всех конечно же простыл еще до появления двух полосок...

Ошибки... кто их не совершал? Я тоже совершала, и горько за них поплатилась. Но главное – сделала вывод, а Верка... та до сих пор не избавилась от розовых очков. Не удив-

люсь, если к сорока у нее будет шестеро.

– И все-таки я уверена, что где-то его видела, – задумчиво произнесла подруга. – И точно не в такси. Только вот где?

Часть 4

Роман снова исчез, не появлялся несколько дней. У меня было много домашних дел, как обычно, и совершенно не оставалось времени думать о посторонних вещах, но я все равно нет-нет, а думала.

Я давно вышла из того возраста, когда влюбляются без памяти с первого взгляда. У меня большая проблема с доверием, множество страхов и печать горького опыта в прошлом, но Роман... он понравился мне. Не так чтобы прямо как мужчина... хотя и как мужчина тоже, смысл кривить душой. Но я знала, что это просто легкая симпатия, которая не заведет никуда дальше совместного поедания борща. Я не готова, не хочу... слишком мало времени прошло, наверное. Да и он определенно кем-то ранен в прошлом и не горит желанием заводить отношения. Он не пытался клеиться ко мне, не сыпал сальными шутками и не раздевал глазами. Даже при виде моих трусиков, хоть и в тазу, вел себя очень достойно.

Возможно, у него кто-то есть и я надумала его проблемы. Хотя как сама человек глубоко раненый, я вижу издалека себе подобных. Вряд ли я ошиблась и в его прошлом наверняка кроется какая-то печальная история.

– Надь, тут тебе вот, из клиники пришло, – заглянула в ординаторскую Олеся. Положила на стол запечатанный кон-

верт. – А... что это?

– Да это так, анализы кое-какие.

– Пациента?

– Личные.

– А почему у нас не сделала?

– Потому что у нас таких не делают.

– Ммм, – протянула Олеся и, бросив любопытный взгляд на конверт, ушла, оставив меня наедине с собой.

Я хотела открыть его дома, спокойно прочитав результат, который либо подарит моей жизни новый смысл, либо лишит последней надежды. Но не удержалась, закрылась в туалете и, нетерпеливо разорвав бумагу, достала сложенный пополам листок.

Сердце забилося с космической скоростью, когда увидела подтверждение своих догадок. Я и так знала это. Чувствовала. Этот анализ был просто ради того, чтобы быть уверенной точно. И теперь я знала наверняка.

Радость, растерянность, страх... какофония смешанных мыслей наполнила глаза слезами. Хотелось бросить все и начать действовать прямо сейчас, но разум взял над эмоциями верх – не время. И так нахрапом все не делается. Это очень деликатный вопрос, и одно неосторожное действие может разрушить все.

Потерпи, – уговаривала я себя. – Не спеши. Выдохни.

И я выдохнула, но теперь точно знала, на что потрачу следующий выходной.

Я неторопливо шла к дому, оттягивая момент, когда паду в его стены. Я знала, что там меня ждет недовольная мать. И не важно в чем будет крыться причина ее недовольства, свое раздражение она как обычно выльет на меня.

Жить бок о бок с ней – невероятно сложно. И если бы не обстоятельства, я бы ни за что не вернулась сюда. Никогда! Но порой жизнь загоняет нас в угол, из которого нет никакого выхода. К счастью, в моем случае вдалеке забрезжил свет. Пока неясный, непонятно, что сулящий, но это был свет, которого мне так сильно не хватало.

Родную улицу, на которой я провела все детство и юность я знала как свои пять пальцев. С годами здесь совершенно ничего не менялось, и с одной стороны это дарило некий покой – в наши наполненные хаосом дни так не хватает порой островка стабильности, а с другой казалось, что жизнь топчется на одном месте.

Сейчас на нашей тихой улочке завелся "чужак" – желтого цвета автомобиль, с шашечкой такси на крыше. И стояла машина аккуратно напротив нашего дома.

"Роман" – мелькнуло в голове, и я соврала бы сказав, что сердечный ритм не сбился.

На автомате поправив волосы, я, не ускоряя шаг, добрела до дома и открыла калитку. Летнего домика отсюда видно не было, но я была уверена, что это он, его машина. Он же

говорил, что работает в такси.

– Надька, это ты?

Ни "здрасьте", ни "как дела", ни хоть подобия улыбки от радости встречи. Мать как обычно полулежала на своей кровати, убивая время на просмотр шоу и бесконечных сериалов.

– Я, – опустила на пол сумку и сразу же взялась за тонометр. – Руку готовь.

– Ты спешишь куда-то, я не пойму? – принялась сразу же злиться. – Хоть бы слово доброе матери больной сказала, спросила, как здоровье.

– Я прекрасно знаю как твое здоровье, – вздохнула. Интенсивно работая кулаком качая "грушу", не выдержала: – У тебя же электронный тонометр есть, видела новый в коробке, зачем я по несколько раз на дню трачу на это свое время?

– Лежит и пусть себе лежит! С тебя что, убудет? Ухаживать за престарелой матерью – святой долг каждого ребенка!

– Тебе всего пятьдесят пять, – сдерживая раздражение процедила я. – Тоже мне престарелая.

– Я больная вся насквозь, бессовестная! Тыкать она будет мне моим возрастом! Я тебя в муках рожала, воспитывала. Одевала, обувала, выучила. Из-за тебя, неблагодарная, папаня-кобель твой из дома ушел.

– Начина-ается...

– Мать плохая, а как в жизни беда, сразу к матери под бок!

– Это и мой дом тоже. Отец оставил *мне* свою половину.

Сто сорок на девяносто, – продиктовала цифры и не без облегчения вернула тонометр на место.

– Все мои болячки от нервов. Сколько слез ты мне принесла, забыла? Сколько я пережила с тобой горя и стыда? Если бы ты, шалава малолетняя, не связалась тогда с тем мажориком, все было бы по-другому. Сама, собственными руками жизнь свою сломала!

Я стиснула зубы. Сильно, до боли.

Ковырнуть уже зажившую рану, содрать струп, чтобы вновь саднила – это так на нее похоже.

– А может быть это *ты* мою жизнь сломала, не думала об этом? – все-таки не выдержала. – Не хочешь вспомнить, что *ты* сделала?

Лицо мамы мгновенно пошло красными пятнами гнева.

– Ах ты так? Припоминать вздумала? Да я одолжение тебе сделала, чтобы ты, дура, в будущем судьбу свою устроила. И после этого я плохая?

– Простите, я, наверное, не вовремя? – раздалось за спиной тактичное покашливание.

На пороге стоял Роман и по закону подлости он стал свидетелем этой отвратительной сцены.

– Все в порядке, проходите, – ответила я, опуская от стыда взгляд, усиленно делая вид, что занята сбором мусора с тумбочки.

– Я фрукты принес, Раиса Ивановна, вы же сказали, что болеете, – и опустил на табурет пакет, в котором лежало мно-

го-много всего: увесистая гроздь винограда, связка бананов, апельсины, ананас, даже манго. – Поправляйтесь.

– Спасибо, ага. Ой, много-то всего как! – запричитала мать. – Не стоило.

– Я к себе, – буркнула я, и поспешила покинуть душный неприветливый дом.

На свежем воздухе сразу же стало легче дышать. И хоть брошенные ею слова оставили след, я постаралась взять себя в руки.

Не первый раз, и не последний. Все, что она сказала – говорила и раньше, ничего нового.

Она никогда не признает свою вину. Никогда! И это то, с чем я тоже должна смириться.

– Тяжелый день?

Роман подошел так тихо, что я совсем не услышала его шагов.

– Извините, что стали свидетелем этой сцены, – я устало вздохнула. – У нас с мамой... не самые простые отношения.

– Я это уже понял.

Я взглянула на него и на душе стало как-то теплее, что ли. А еще я поймала себя на мысли, что рада его видеть.

– Вы опять на несколько дней пропали. Было много заказов?

– Извините? – непонимающе моргнул он. И это было последнее, что я увидела, потому что единственный фонарь, помигав, потух, окутав нас темнотой.

Я подняла голову, оценивая примерную стоимость затрат. Хорошо если просто перегорела лампочка.

– И часто он так? – тоже поднял голову Роман.

– С завидной регулярностью.

– А что вы имели в виду говоря про заказы? – перевел на меня взгляд.

– А, да я про такси. Вы же таксист?

– Ну... да.

– Судя по паузе, вы в этом не уверены, – я коротко хохотнула. – Это не мое дело, простите. Конечно вы можете пропадать где угодно и с кем угодно. И даже работать совсем не таксистом.

– Просто были дела.

– Да, конечно. Никаких проблем. Вы же заплатили сразу за три месяца.

Глаза быстро привыкли к темноте, и я сумела рассмотреть его лицо. Как так получается, что с каждым разом он становится все симпатичнее?

– Кажется, я снова ляпнула что-то не то. Извините. Не самый лучший день.

– Можно вопрос? – неожиданно выдал он. – Возможно, слегка личный.

– Вы видели мое нижнее белье, вряд ли меня можно теперь хоть чем-то смутить.

– Если у вас с матерью настолько все плохо, почему вы живете с ней? Вы молодая, могли бы жить в городе, среди

цивилизации как когда-то.

Я бросила на него прищуренный взгляд.

– А откуда вы знаете, что я жила в городе?

– Ну... вы говорили.

– Я говорила? Не помню.

Я действительно этого не помнила.

– Может быть вы напутали и вам это мама рассказала?

– Может быть, – он неуверенно дернул плечом, обтянутым белой футболкой. И тут же перевел тему: – Так почему? Чтобы ухаживать за ней?

– Моя мама хоть и болеет, но не настолько, чтобы не обслужить себя самой. Она из тех, кто любит слегка преувеличивать. Так что ваши фрукты... это было мило, но совершенно лишнее.

– Мне было не сложно.

– Я бы не вернулась сюда, если бы так не сложились обстоятельства, – спустя короткую паузу вдруг призналась я. Сложив руки в замок, чтобы они не подрагивали, положила их на расшатанные, потресканные от влаги и соленого ветра деревянные перила. – Я уехала отсюда совсем молоденькой, когда только исполнилось восемнадцать. Вернее – сбежала. С молодым человеком. Вышла за него замуж, и прожили мы вместе целых одиннадцать лет. В городе как раз.

Он слушал меня с таким напряжением, словно я держу в руках гранату, и беспечно играю с чекой.

– А потом? – осторожно спросил он. – Вы развелись?

– Нет. Мой муж... – снова тяжело вздохнула, – он погиб.

Его кожа, не покрытая щетиной, словно стала на два тона белее.

– Так вышло, что он оставил после себя гору долгов, которые была вынуждена выплачивать я, – подводя черту, развела руками. – Почти полтора года. Поэтому я и переехала сюда, откладывала все, что могла.

– И вы отдали этот долг? – хрипло спросил он.

– К счастью да, в прошлом месяце.

– Мне очень жаль.

– Жаль, что я отдала долг? – я снова хохотнула. Но не весело, это было нервное.

– Жаль, что так вышло... с вашим мужем.

Я лишь молча кивнула.

Я могла бы многое ему рассказать о своей жизни с Толиком, но вряд ли он захочет это слушать. Зачем ему чужие проблемы.

– Ладно, я пойду домой, – заговорила я, когда пауза затянулась. Кажется, мой рассказ выбил его из колеи. – Завтра рано вставать.

– На работу?

– Нет, завтра у меня выходной. Мне нужно в соседний поселок. Сами знаете как у нас ходит общественный транспорт. Хотя откуда вам, не местному, знать.

– У меня тоже завтра выходной, и я могу отвезти вас куда нужно, – неожиданно предложил он.

Место, которое я хочу посетить – моя тайна. Никто не должен знать, что я ездила туда. Никто из знакомых. Но Роман ведь не человек из моей жизни, просто постоялец. Наверняка ему будет все равно зачем я туда поехала. И он точно никому не расскажет.

– Если вам не сложно, я только "за", – я вымученно улыбнулась. – Но учтите, встать придется рано.

– Не страшно, я не большой любитель поспать.

– Тогда встретимся здесь в восемь утра. До завтра.

– До завтра...

Поднимаясь по ступенькам и скрываясь за дверью я не стала оборачиваться, но точно знала, что он провожал меня взглядом.

Часть 5

– Доброе утро. Хотя судя по погоде не такое уж и доброе, – я смирившись взглядом тяжелое хмурое небо. Грозовые тучи окутали поросшие зеленым одеялом вершины гор. – Скоро вошьет, и не по-детски.

– Тогда не будем медлить. Слышал, в дождь здесь размывает дороги.

– Есть такое.

Выглядел он, признаться, неважно: лицо утратило прежнюю свежесть, чуть покрасневшие глаза, словно он плохо спал всю ночь.

Глядя на него я испытала некоторую вину, ведь именно из-за меня ему пришлось просыпаться в выходной так рано. Наверняка он планировал как следует выспаться, и тут я со своими планами. Но в конце концов идея отвезти меня принадлежала именно ему, я его об этом не просила. Хотя сейчас, ощущая на плечах уже начинающийся мелкий дождь, была очень ему за это благодарна.

Мы быстро добежали до его машины, погрузились в прохладный, а самое главное – сухой салон.

– Ехать далековато, но дорога простая, почти все время по прямой. Я могу вбить в навигатор улицу и номер дома.

– Не нужно, не очень люблю эти штуки. Просто назовите мне название поселка и место, а там разберемся, – и перевел

на меня слегка уставший взгляд. — Так куда мы едем?

— Поселок Лазурный. Там прямо на въезде находится детский дом.

Взгляд напротив стал настороженно-удивленным, на переносице образовалась хмурая складка.

Наверняка у него появилась масса вопросов, но как человек тактичный он не стал лезть мне под кожу — молча кивнул, завел мотор, и мы, шурша шинами по насыпи из морской гальки, двинулись в путь.

Роман почти всю дорогу молчал, я тоже, мы максимум перекинулись парой ничего не значащих фраз. Я была благодарна ему за этот час тишины, он словно чувствовал, что мне необходимо подумать.

— Приехали, — коротко ввел в курс дела он, заглушая мотор возле высокого забора, выкрашенного голубой краской.

Сквозь залитые дождем стекла сам детский дом выглядел серым размытым пятном. Мрачным и неприветливым.

Я интуитивно прижала к себе сумку, в кармашке которой лежал результат, который неожиданно изменил мою жизнь. Подарил ей стимул и смысл.

— Не знаю сколько я там пробуду. Постараюсь освободиться быстрее, — не сводя взгляд с дома-склепа, тихо предупредила я.

— Будьте там столько, сколько нужно. Я никуда не спешу. Я перевела на него слегка потерянный от волнения взгляд.

– Спасибо, Роман.

– За что? Мне было не сложно привезти вас сюда.

– За то, что не задаете вопросов. Ну и за услуги такси тоже. Боюсь, я с вами не расплачусь.

– Просто угостите меня своим фантастическим борщом и мы в расчете.

Я улыбнулась ему, он ответил мне тем же.

Неожиданно я вдруг почувствовала себя... защищенной, что ли. Как будто рядом с ним мне ничего не грозит и обязательно все получится. И это было странно, если учитывать сколько мы знакомы. Всего ничего. Я прожила с мужем одиннадцать лет, и никогда не ощущала себя вот так рядом с ним.

– Я быстро.

– Возьмите мой зонт!

Но я лишь махнула рукой и побежала по лужам ко входу.

Директор детского дома оказалась крайне неприятной женщиной. Из тех, кому дают прозвища из разряда "мымра" или "Горгона". Высокая, сухая, в чопорном коричневом платье с белым кружевным воротником. Волосы ее были идеально зализаны в низкий пучок. Наверняка она носит эту прическу всю свою жизнь. Как и это платье. И это хмурое выражение лица.

Бедные дети, что коротают свое и без того непростое детство под ее началом.

Кабинет ее был под стать хозяйке, что-то из восьмидесятых: с лакированным столом, зеленой лампой на краю и кипеи личиных дел в бумажных папках-скоросшивателях.

Одно из них она держала в своих худых руках. Но в бумаги не смотрела, потому что взгляд ее был направлен на меня, и я почувствовала себя словно на допросе у очень дотошного следователя.

– Почему вы хотите взять именно эту девочку?

– Потому что она мне понравилась. А что-то не так?

– Просто это странно. Вы такая молодая и хотите взять беспризорника. И не из дома малютки, что было бы логично, а у нас.

– Я не знаю как обращаться с младенцами.

– А с подростками, значит, знаете? – отложила папку поверх прочих. – У них всех крайне сложный характер, переходный возраст никого не щадит, а детей в стенах казенного дома особенно.

– Думаю, у меня получится.

– У вас же не было младших в семье?

– Нет, я одна.

– Тогда у вас совершенно нет никакого опыта общения с детьми ее возраста. Уверены, что справитесь с этой ношей?

– Ношей? – я переспросила, потому что не поверила своим ушам. – Это же просто девочка, лишенная родительской любви. Не сложное оборудование, к которому не приложили инструкцию. Почему мне кажется, что вы меня отговарива-

ете?

– Я работаю здесь уже больше сорока лет и видела всякое. На моей памяти практически не было случая, чтобы женщина вашего возраста, без мужа, хотела взять такого взрослого ребенка.

– Я справлюсь! – твердо ответила я. – Готова. И я хочу взять именно эту девочку.

Директор сложила на столе свои руки-ветки на манер прилежной школьницы. Словно рептилия, не мигая, долго смотрела мне в глаза, как будто пытаюсь отыскать в них подтверждение каким-то своим нехорошим догадкам.

– Я понимаю, что просто не будет, – попыталась сгладить свою резкость я. – Но это действительно взвешенное решение. Я могу хотя бы познакомиться с ней?

– Нет! – резко отрезала она.

– И почему?

– Авдеева Римма сейчас на карантине.

– Что с ней? Она больна?

– Ничего страшного, банальная скарлатина.

– И когда закончится карантин?

– В среду. Но в среду у нас неприятный день.

Я знала, что просто не будет. Понимала, что трудности начнутся с порога. Знала, поэтому отнеслась к очередной подножке легко.

Неважно, сколько потребуется времени, я не отступлю.

– Тогда я приеду тогда, когда у вас будет приемный день,

- улыбнулась, показывая, что меня не сломить.
- Значит, вы твердо уверены в своем решении?
- Приехать снова?
- Забрать возрастного ребенка.
- Абсолютно уверена.

Женщина в очередной раз смерила меня недобрый взглядом, и только после этого достала из выдвижного ящика стола вложенный в прозрачный файл лист формата А4.

– Здесь перечень требований и необходимых документов. Исключение хотя бы одного пункта делает усыновление невозможным.

– Поняла, – я бегло прошлась взглядом по многочисленным пунктам. – Сколько у меня времени?

– Сколько угодно, – безразлично дернула острым плечом директор. – Спроса на подростков у нас нет, очередей тем более. Кроме вас не никто ее заберет. Не забрали раньше, подавно не возьмут и теперь.

– Хорошо, я постараюсь не затягивать, – я сунула файл в сумку и поднялась. – Спасибо, что уделили мне время. До свидания.

Не сказать, что меня удивил холодный прием. Я примерно ожидала чего-то такого, и знала, что путь к удочерению Риммы будет тернист. Что неизменно возникнут вопросы, зачем мне такой взрослый ребенок. Я знала и была готова.

Это меня совсем не напугало. В отличие от пунктов в перечне обязательных условий, выдвинутых будущему усыно-

вителю. Вот они действительно заставили поволноваться.

Когда я вышла на крыльцо, дождь уже лил сплошной стеной. Дорога под ногами превратилась в бурлящую реку. Не знаю, что сподвигло меня поднять голову и окинуть взглядом окна: в одном из них, на втором этаже, стояла она. Авдеева Римма. Девочка с совершенно неподходящим ей именем и придуманной фамилией.

Она смотрела на меня.

Я помахала ей рукой и побежала к воротам, к тому времени на мне не осталось ни единой сухой нитки.

Дернув на себя ручку двери автомобиля, я плюхнулась на переднее сиденье, которое мгновенно стало мокрым. Как, впрочем, вообще все, чего я касалась.

– Извините, я испортила вам машину.

– Ничего, ее давно следовало помыть, – с юмором отреагировал Роман. Сухой, убаюканный тихим бурчанием местного радио. – Как все прошло?

– Ой, долго рассказывать, – я скрутила волосы в жгут и как следует отжала прямо на свои же колени. – Потом. Как-нибудь.

Он понятливо кивнул и завел мотор.

– Домой?

– Домой.

Но попасть домой прямо сейчас нам была не судьба: на выезде из поселка из-за схода селевого потока перекрыли единственную дорогу.

– Вот черт, я так и знала! – выругалась я. – Каждый раз здесь то же самое, сколько себя помню. И ничего ведь с этим не делают!

– Вы куда-то спешите?

– В общем-то нет.

– Я тоже. Можем переждать непогоду в какой-нибудь гостинице или придорожном мотеле. К тому же, – оценил меня критическим взглядом, – вам не помешало бы высушить одежду. Так и простудиться недолго.

– Я не боюсь простуды, просто сидеть во всем мокром ужасно противно.

– Тогда так и сделаем. Найдём где скоротать время.

Часть 6

Курортный поселок Лазурный никогда не был особенно популярен у туристов, из-за крошечного каменистого пляжа, неудобного расположения и не самой продвинутой инфраструктуры. Да и совсем рядом находился порт – рукой подать, а это, как известно, далеко не самая чистая вода, загрязненная плевками мазута, солярки и различными отходами.

Но мы с Романом приехали сюда не отдыхать, поэтому на это все мало обращали внимания. Заехав в первый попавшийся мотель, сняли двухместный номер. Он настаивал на разных, вероятно переживая, что мне будет неловко, но более неловко мне было бы обдирать его до нитки.

– Мы же не жить здесь собираемся, правда? Всего лишь подождать когда закончится дождь и откроют дорогу. Мне и так ужасно стыдно, что вам пришлось тащиться сюда из-за меня. Я возмещу траты за бензин. И за номер тоже.

– Еще чего! – искренне возмутился он. – Даже слышать ничего не хочу. Не обижайте меня.

– А неплохо у нас таксисты зарабатывают, оказывается, – поддела я.

В то, что он таксист, я до сих пор совершенно не верила, но даже если он и солгал – это его личное дело. Водила так водила. Главное, чтобы не наемный убийца.

– Раз мы пока тут, я быстро приму душ, вы не против? –

спросила я, с трудом стягивая с мокрых плеч рубашку, накинутую поверх футболки. – У меня наверняка туш потекла. И волосы привести в порядок надо.

– Конечно, я побуду здесь.

Душ в подобных мотелях никогда не отличался чрезмерными удобствами, во времена моего детства особенно, но за годы прогресс дошел даже сюда. Дешевый, но симпатичный кафель, два полотенца, шампунь, гель для душа и мыло в разовых пакетиках. Сервис.

Я приняла душ утром перед поездкой, но из-за забега по лужам ноги до самой пятой точки были в грязевых разводах. И лицо... вот уж точно ужас. На щеках, как у панды, две черные полосы. Красивая же я рядом с ним сидела! И ведь не сказал же, снова проявил такт.

Удивительно, но я не испытала из-за этого какой-то особенной неловкости – все мы люди, бывает. Может, лет в восемнадцать я бы со стыда сгорела щеголять вот так перед симпатичным мужчиной. Но в тридцать ты смотришь на все иначе. Более приземленно, что ли. Со здоровой долей прагматизма и цинизма.

Я быстро приняла душ, вымыла голова шампунем с ароматом крапивы. Фена здесь ожидаемо не оказалось, но это не стало большой проблемой – дорогу откроют не менее чем через шесть часов. Это в лучшем случае! Даже не смотря на влажность все успеет высохнуть и так.

Обмотав тело единственным оставшимся сухим полотен-

цем, я вышла из душевой. Романа нигде не было видно. Он ушел? И только потом заметила его стоящим на балконе.

Признаться, вид из нашего номера открывался потрясающий: поросшие густой зеленью горы, не работающая сейчас канатная дорога вдали, с омываемыми дождями зависшими над пропастью кабинками. И сам Роман... он идеально вписался в идеальную картину: широкая спина, руки на перилах, широко расставленные ноги, по-модному подстриженный затылок.

Он был действительно красивым мужчиной, на которого невозможно не обратить внимание. Почему он тратит свое время здесь, со мной, а не проводит его со своей подружкой? У такого как он всегда есть подружка. Возможно, даже не одна.

Он не слышал как я вышла, шум дождя и, видимо, полное погружение в свои мысли помешали. Я скомкала свои мокрые вещи и отнесла вниз, попросила воспользоваться стиральной машиной и сушилкой. К счастью, у них оказалась довольно приличная прачечная.

Оставив одежду стираться, я снова поднялась наверх. Роман по-прежнему стоял на балконе, и я решила, что это отличный момент узнать друг друга ближе.

– Часто бываете на море?

Он повернул на меня голову и остановился чуть дольше положенного на обнаженных плечах. В его взгляде не было похоти или чего-то такого, но я все равно заметила, что вид

моих голых плеч и краешка груди не оставили его равнодушным.

– Не очень часто. Я не слишком люблю пляжи.

– Нет, я вообще, в целом. Часто приезжаете в отпуск? Откуда вы?

– Вообще я, можно сказать, местный.

– Правда? – вот уж чего я не ожидала. – Дайте угадаю – вы живете в городе.

– Так и есть.

– А что делаете здесь?

– По работе, – он дернул плечом и снова перевел взгляд на залитые дождем горы. – Здесь красиво, мне нравится.

– Да, мне тоже.

Мы стояли рядом едва не касаясь предплечьями и молча смотрели на окружающую красоту. И было в этой близости что-то такое *правильное*. Я не чувствовала себя неловко, не ощущала потребности чем-то заполнять паузы или кокетничать. Я просто была собой, но будто лучшей версией себя.

Я была рада, что он был рядом со мной в этот переломный момент моей жизни. Да, практически незнакомый человек, но он дарил мне чувство, похожее на защищенность и поддержку.

Неожиданно я зевнула. Широко, совершенно не игриво, и после рассмеялась.

– Вы проснулись очень рано, можете поспать. Все равно не на что убить время, – предложил он, улыбаясь.

– Да, пожалуй, я бы чуть-чуть подремала. Если честно, я так волновалась, что всю ночь не сомкнула глаз.

– Волновались из-за поездки в детский дом?

– Да.

Его раздирали сотни вопросов, я это видела, но он промолчал, за что я поставила ему тысячу мысленных плюсов.

– Не закрывайте балкон, мне так нравится шум дождя.

– Хорошо.

Я зашла в номер, села на кровать и достала из сумки чудом не промокший файл. Тщательно изучила перечень требуемых условий и некоторые из них ввергли в уныние, но я запретила себе ему поддаваться. Если методично идти к своей цели, то все получится.

Жаль, что я не увидела сегодня Римму. Не познакомилась с ней.

Мы виделись дважды, но не перекинулись и парой слов. О чем говорить взрослой тридцатилетней женщине и четырнадцатилетнему подростку? Тем более совершенно чужим друг другу.

Что она подумает, когда узнает, что я решила ее удочерить?

Захочет ли она этого? Ведь это Я приняла решение, единолично, как человек довольно самостоятельный она может с ним не согласиться. Я не думала об этом прежде и эта мысль напугала даже больше, чем перечень сложновыполнимых для меня условий.

Я не хотела думать об этом именно сейчас. Да и вообще. Жизненный опыт научил решать проблемы по мере их поступления. Зачем заранее переживать из-за того, что еще не случилось.

Накрывшись простыней, я легла на подушку и долго смотрела через распахнутую дверь на силуэт мужчины на балконе.

Здесь всего одна кровать, хоть и двуспальная, а если он тоже захочет прилечь?

Наверняка ему будет неловко. Впрочем, он взрослый мужчина, разберется.

Какое-то время я еще смотрела на него, а потом закрыла глаза и моментально уснула.

Я открыла глаза и не сразу поняла, почему так темно. Не ночь, словно плотные хмурые сумерки. Но не могла же я проспать столько часов!

Нащупала на тумбе мобильный, оживила экран и подскочила. Могла!

Семь часов улетели словно в бездонную трубу. Без сновидений, без тревог, без снесения в конце концов. Со мной в одном номере все это время был посторонний мужчина, а я, прости Господи, дрыхла без задних ног. Надеюсь, хоть слюни в подушку не пускала.

– Роман? – тихо позвала я, привстав.

В номере его явно не было. Может, он вообще без меня

уехал? Я даже не удивилась бы: убить бездарно столько времени выходного дня на какую-то сумасшедшую незнакомку...

Открылась дверь, и в номер едва слышно вошел он, удерживая в руках какой-то сверток. Он явно двигался преувеличенно тихо, чтобы не разбудить меня, и это почему-то так тронуло.

– Извините, я бессовестно проспала целый день, – голос после долгого сна был хриплым. – Мне так неловко.

– Не страшно. Я тоже вздремнул.

– Правда? Где?

– Рядом с вами. Вы же не против?

Я перевела взгляд на как будто бы нетронутую соседнюю подушку.

– В общем-то нет...

– Вот ваши вещи, они высохли, – протянул мне ту самую "кучу", что держал в руках. На деле это оказались мои довольно хорошо сложенные вещи. – Горничная передала.

Я благодарно кивнула.

– Дорогу открыли, не знаете?

– Пока нет. Но девушка с ресепшена сказала, что вряд ли откроют сегодня. Был еще один небольшой сход.

Почему-то его упоминание какой-то там девушки слегка задело. Это было ужасно инфантильно и глупо, я всю жизнь не выносила подобную черту в людях, присваивать себе то, что им не принадлежит. Будь то вещь или мужчина. Но ни-

чего поделаться с собой не могла.

Он же приехал *со мной*.

– Вы, наверное, проголодались? – спросил он.

– Если честно – очень. Со вчерашнего вечера крошки во рту не было. Утром не позавтракала... от волнения. Только выпила кофе.

– Тут на территории есть ресторанчик. Хороший или нет – не знаю, но выбирать не приходится. Может, перекусим там?

– Отличная идея. Я только приведу себя в порядок.

– Тогда я буду ждать вас там, внизу.

– Закажите что-нибудь сразу.

– Что именно?

– На ваш вкус. Я абсолютно всеядна.

Придерживая одной рукой спадающее с груди полотенце, в котором я спала, а во второй сжимая свои вещи, я слегка неуклюже добралась до ванной. Переоделась. Волосы после сна порядком завились – так было всегда, когда я засыпала с мокрой головой. Расчески у меня не было, поэтому пришлось причесать безобразие пятерней. И косметики никакой в сумке, только помада, которой я мазнула по губам, едва только вышла из ванной.

Спускаясь вниз я вдруг поймала себя на мысли, что волнуюсь как... как перед свиданием, что ли. Что-то такое легкое, едва уловимое билось изнутри о стенки живота, словно деликатное касание крыльев бабочки.

Я тысячу лет не испытывала подобных чувств. Может,

Только тогда, в юные шестнадцать, когда в моей жизни появился Максим...

Часть 7

Максим... Моя первая и, как мне казалось, единственная любовь на всю жизнь. Потом он исчез, через пару лет я познакомилась с Толиком, но с ним не было и близко ничего подобного. Никаких трепетных свиданий, ярких чувств. Я просто страстно мечтала убежать из дома, и он тоже стал моим первым и единственным. Первым и единственным, кто готов был меня забрать.

Пожились мы быстро, а какие после заключения брака свидания? Быстро наступил быт: готовка, уборка, стирка, работа, которую я совмещала с учебой в медколледже. Обыкновенная молодая семья, каких миллионы в нашей стране. И проблемы у нас были самые что ни на есть обыденные. А иногда очень не очень...

Ресторан стоял чуть поодаль от мотеля и освещался в этот час веселыми огоньками. Играла незатейливая музыка, что обычно раздавалась сезонно во всех курортных городках. Про цветы, которые надо дарить женщинам без повода и без причины, про чудо, которое могут сделать юга-юга, про солнце Монако, которое не нужно, когда его рядом нет.

Я шла по деревянному настилу и мою душу впервые за долгое-долгое время наполняла такая долгожданная легкость.

Роман ждал меня за столиком, в самом конце зала, с пре-

красным видом на промокшие насквозь темные в этот час горы. Сумасшедше пахло озоном и шашлыком. Вот бы сейчас пару кусочков баранины с хрусткой корочкой. С овощами-гриль, соусом и колечками сладкого лука... Рот начал заполняться слюной, оказалось, что я просто зверски голодна.

Когда я подошла ближе, и он меня увидел, почему-то показалось, что лицо его стало светлее.

Может, этот незапланированный вечер вдвоем и ему подарил какие-то приятные эмоции? Я же совсем ничего не знаю о его жизни. И если он уже может собрать по каким-то кусочкам мою, то я остаюсь в полном неведении.

– Долго меня не было? – улыбаясь, я села напротив.

– Женщины всегда долго наводят красоту. Я привык.

Первое, что немного смутило – "красота". Он что, заметил, что я накрасила губы?

Может, не стоило этого делать?

А второе... это его "женщины". Наверняка их у него было или даже есть много. Это слегка испортило настроение.

– Не ожидала, что здесь будет так много людей, – я осмотрелась по сторонам. Не все столики, но довольно много были заняты. Было весело и довольно шумно.

– Это же курортный поселок. Люди приезжают сюда развлекаться, – подметил он.

– Стыдно признаться, но я, будучи коренным жителем этих мест, кучу лет не была на море, – разоткровенничалась я. – Кучу времени не ходила в кафе. Так что можно сказать

это мой дебют после...

– После?

– После смерти мужа.

– Простите, – как и в прошлый раз он сразу изменился в лице.

– Нет-нет, ничего страшного, – поспешила хоть как-то успокоить его я. – Это произошло не вчера, я давно смирилась. Да и наш брак, он...

Я не договорила, потому что подошел официант с наполненным подносом. И о чудо – там лежал визуализированный мной ранее шашлык. С овощами-гриль, соусом и колечками красного сладкого лука. Еще там был овощной салат, какая-то незатейливая рыба в кляре, похожая на барабульку. А еще бутылка красного местного вина, которое привычно разливали в кувшины в виде грозди винограда.

– Боже, мне это снится, да? – я обрадовалась совсем как ребенок. – Вы мой личный дед мороз. Я только-только об этом мечтала, клянусь.

– Я рад, – сдержанно улыбнулся он. – Сказали, что это самые популярные здесь блюда. Не стал экспериментировать.

– И это очень правильно! Простите, я забуду о правилах приличия и не очень культурно накинусь на мясо.

Он рассмеялся, и его смех показался мне моей личной заслугой.

Сколько я его знаю, он всегда сдержан, скуп на эмоции. Не зажат, не угрюм, просто словно... словно он намеренно

спрятал в себе все то, что присуще человеку. Радость, смех...

Возможно, в прошлом он пережил что-то такое, что надломило его. Как и меня когда-то. Но я нашла в себе силы справиться, нашла стимул и смысл, а он, видимо, пока нет.

Мы ели с большим аппетитом. Я так точно. И то ли я была настолько голодна, то ли все было действительно таким вкусным, но я съела всю свою порцию и даже ничуть не смутилась, что она была не меньше, чем его.

От природы я всегда была довольно худой, за последний год скинула еще, поэтому большие порции меня не пугали.

– Если бы вы знали, как я сейчас счастлива, – откинулась я спинку стула. Потягивая ставшее теплым, но от того не менее вкусным вино, я пребывала где-то на девяностой ступени блаженства из ста. – Кто бы знал, что этот день закончится так, да?

– Мне кажется, все обернулось довольно неплохо, – подтвердил он.

– То есть вы не жалеете, что убили, возможно, единственный выходной на меня?

– Абсолютно не жалею.

Он смотрел на меня так открыто, так искренне, что я безоговорочно поверила его словам.

Я перевела взгляд на стакан минеральной воды в его руках, и мне стало так обидно, что он не попробовал прекрасное вино с местных виноградников. Настоящее, без разного

рода консервантов и красителей. Терпкое, вкусное, опьяняющее лишь слегка.

– Может, все-таки попробуете немного? – улыбаясь, кивнула на графин. – Чуть-чуть.

– Я не пью, – качнул головой он. – А вы не стесняйтесь.

– Разве можно в такой-то вечер! Собственно, я тоже не большой любитель, но в такой вечер просто грех не взять от него все.

Он улыбался слушая меня, но я чувствовала, словно его мысли витают где-то очень далеко от происходящего. Он выглядел так, словно хочет спросить о чем-то терзавшем его.

И я решила пойти ему на выручку.

– Спрашивайте, чего уж.

– С чего вы взяли, что я хочу о чем-то спорить?

– Я же вижу.

Он немного помолчал, а потом все-таки не выдержал.

– Вы начали что-то говорить о вашем браке, но потом подошел официант...

Значит, мне не показалось, его действительно зацепила эта тема.

Не то чтобы это было тайной, скорее я просто не любила об этом вспоминать. Говорить с кем-то. Но сейчас почему-то решила, что не хочу ничего скрывать.

– Наш брат с Толей был далек от идеального. Мы прожили вместе одиннадцать лет, и совру, если скажу, что они были счастливыми.

Он буквально превратился в слух. Даже окружающие звуки, кажется, стали из вежливости к серьезности темы чуть тише.

– Я не слишком любила его, но очень уж хотела сбежать из дома. Думаю, вы понимаете почему.

– Отношения с матерью?

Я кивнула.

– Я просто хотела жить уже своей жизнью. Без нравоучений, вечных пинков, унижений. Познакомилась с Толей, он предложил уехать вместе. Я не раздумывая собрала вещи и перебралась в город, мы сразу расписались. Сначала, как это бывает, все было нормально, а потом из шкафов посыпались скелеты.

– Он обижал вас? – его лицо выглядело напряженным, даже скулы заострились.

– Он не бил меня, если вы об этом. Но он был... не слишком хорошим мужем. Пропадал с друзьями, постоянно менял работу, перебиваясь случайными заработками. Мы часто ссорились, бывали даже скандалы и он грозился выгнать меня из своей квартиры. Но даже не это было самым плохим – Толик был зависим от ставок и компьютерных игр.

На лице Романа отразилось понимание смешанное с сочувствием.

– Он был очень азартным, но совершенно не фартовым. Порой он вгонял нас в такие долги, что приходилось продавать все, включая одежду.

– Почему вы не развелись с ним раньше? Зачем терпели?
– искренне возмущился он. Без обсуждения, скорее не понимая мотив моего поведения.

– Я не знаю, – честно ответила я. – Мне было жаль его, жаль его мать, которая умоляла меня его образумить. Да и если бы я от него ушла, мне негде было бы жить. Я боялась не вытянуть на свою зарплату медсестры в роддоме, это означало бы возвращение к матери. А этого я боялась больше всего.

– Вы работали в роддоме? – зацепился он.

– Да. В первом.

Лицо его приобрело какой-то даже сероватый оттенок. Или это была игра света.

– В общем, я долго терпела, долго торговалась с самой собой. Я очень устала постоянно вытаскивать его из игрового запоя, постоянно отдавать его долги. За день до того... что с ним произошло, я подала на развод.

Я замолчала. Он ничего не спросил. И это показалось мне странным, учитывая, что без данного факта мой рассказ был бы не полным.

Возможно, его в очередной раз удержало чувство такта.

– И вы не поинтересуетесь, что же с ним случилось? – все-таки спросила я.

– Что? – ответил он не глядя на меня.

– Незадолго до моего решения развестись, я устроила Толика на работу в наш роддом. Вернее, не в сам роддом – личным водителем нашего главного врача. В тот вечер он выез-

жал из ворот больницы и кто-то на полной скорости в него въехал, — я замолчала, возвращаясь в воспоминаниях в тот день. — И знаете, что самое в этом всем фатальное?

Я подняла на Романа взгляд. Он смотрел на меня прямо, практически не мигая, положив руки на стол, словно отыскав точку опоры.

— Удар оказался не таким уж и сильным. Если бы он был пристегнут, то скорее всего все обошлось бы парой царапин.

— Но он не был пристегнут...

Я отрицательно покачала головой.

— В этом и был весь Толик. Всему шел наперекос.

— Я... я сочувствую вам, — прочистил он горло. — Я не знал всех этих подробностей.

Я бросила на него вопросительный взгляд. Он снова прокашлялся.

— Об этом писали в местных газетах, — пояснил он.

— Ах, ну да, писали, — рассеянно вспомнила я. И решила поменять уже тему. Вечер был настолько хорош, не хотелось портить его неприятными воспоминаниями. — Хотя мне и неловко об этом говорить, но, кажется, нам придется остаться здесь на ночь. Даже если дорогу и открыли, ехать по темноте здесь довольно опасно. Освещение паршивое. Вернее, его вообще практически нет.

Но он меня будто не слышал. Сидел погруженный то ли в невеселые подробности моего рассказа, то ли в свои личные воспоминания.

– Роман? – я чуть наклонилась, вглядываясь в его лицо. Он поднял на меня отстраненный взгляд.

– Простите, я не расслышал, что вы сказали.

– Придется переночевать здесь. Дорогу вряд ли открыли.

– Никаких проблем, у меня нет на завтра планов.

– Еще один выходной?

– Да.

Я снова откинулась на спинку кресла, сделала глоток вина.

– Может, я лезу с совсем личным, но... вам не к кому спешить?

В его глазах отразился вопрос.

– Я имею в виду, у вас никого нет? Я про отношения.

– Нет. У меня никого нет.

Не думаю, что он солгал, зачем ему это. Но то, что такой мужчина одинок – удивило.

Я рассказала ему о себе много, даже слишком, но он для меня по-прежнему остался закрытой книгой. И я не знала, хочу ли заглядывать дальше красочной обложки. Вернее, хочу ли этого прямо сейчас. Я была уверена, что скрывается там отнюдь не веселый сюжет.

Не то чтобы я была хорошим психологом, но его взгляд... он словно наполнен болью. Безысходностью. Отчаянием.

Я боялась ворошить его воспоминания, возможно, они гораздо тяжелее моих. Он расскажет обо всем сам, если захочет.

Мы посидели еще где-то час, послушали музыку, съели по десерту и решили вернуться в номер. Давно наступила ночь, очень влажная, как и всегда после ливня. Душная. Мы шли обходя лужи, думая каждый о своем.

– Осторожно! – предупредил он, вовремя схватив меня за руку, тем самым не дав поскользнуться.

Это был первый наш настолько интимный контакт, и сохру, если скажу, что ничего не почувствовала при этом. Прикосновение к мужской чуть грубоватой коже возродило в душе что-то такое... поистине женское. И ощущения эти были приятны.

Прошло полтора года, за это время у меня не было никаких отношений. Ни одного свидания и даже намек на них. Я жила словно на автомате: работа, дом, уход за матерью. Мне некогда было думать о лишнем. Да и не хотелось. Казалось, что так будет всегда, но как вышло, я ошиблась.

– Вы спасли меня, в очередной раз, – поблагодарила я, намерено не отпуская его руку. – Появились словно из ниоткуда. Щедрый, внимательный к чужим проблемам, тактичный. В чем подвох? Должен же он быть.

– Может быть я шизофреник в период ремиссии? Говорят, в такие моменты их не отличить от нормальных людей. Чем не подвох.

– Нет, вы точно не шизофреник, – я улыбнулась. – Я хоть и не дипломированный врач, но кое-что в медицине соображаю.

– Маньяк?

– Уже ближе.

– Вот спасибо, – он тоже улыбнулся.

Он делал это так редко, и каждый раз, когда мне удавалось чуть-чуть развеселить его, я думала, что совершила какой-то подвиг.

– Это вам спасибо, – я остановилась у двери мотеля и обернулась на него. – Кстати, мне кажется, вот это "вы" между нами как-то неуместно. Может, отбросим уже эти условности, как считаешь?

– Я только за.

– Рома.

– Надя.

В этот раз мы улыбнулись синхронно.

Не смотря на тему, что я подняла этим вечером, тему своего прошлого, гнетущую, тяжелую, на душе было так приятно и легко. Я словно сбросила тяжкий груз и оставила его за спиной. Расправила крылья. И впервые за полтора года подумала о том, что может быть и по-другому. Что жизнь продолжается, и только мы решаем, чем именно она будет наполнена.

Слишком радоваться я боялась, потому что причина моего воодушевления крылась в Романе, а я совершенно не знала, что думает обо мне он.

Возможно, дальше чем сейчас, между нами никогда ничего не зайдет. Возможно, он не захочет строить отношения с

женщиной, которая хочет взять из детского дома взрослого ребенка. Возможно, он вообще не хочет *никаких* отношений. Но думать в ту сторону я в этот вечер тоже не хотела.

– Придется спать вместе, ты же не против? – я, не без некоторого волнения (хоть и тщательно скрывала его), сняла с двуспальной постели покрывало. – Кровать большая, так что это не будет считаться изменой. Ну, если у тебя все-таки кто-то есть.

– Я же сказал, что у меня никого нет, – напомнил он, и как мне показалось, с улыбкой в голосе.

Я опустила голову, чтобы скрыть внезапно нахлынувшее вдруг смущение. Сделала вид, что тщательно готовлю спальное место ко сну.

В моей жизни было всего два мужчины: первая, как мне тогда казалось, вечная любовь, и муж. Так что сказать, что в моей постели перебивала толпа мужчин я не могла даже с натяжкой. Но неловкости перед предстоящей ночью я не чувствовала, только за свои глупые вопросы.

Я точно знала, что он ни за что даже не прикаснется ко мне, если я сама не дам ему знак. Была уверена, что не ошибаюсь.

Так и вышло: мы по очереди приняли душ и потом по очереди нырнули каждый на всю сторону постели. На приличном друг от друга расстоянии. Я выключила ночник, комната погрузилась в полную темноту.

Я слышала его тихое дыхание, ощущала исходящее от его

сильного крепкого тела приятное тепло, и это не могло не волновать. Против воли.

– Почему ты не спросил, зачем я посещала детский дом?
– спросила о том, что не давало мне покоя.

– У каждого есть свои секреты, – в тон мне ответил он.

– Я хочу взять девочку. Подростка.

И затаила дыхание, ожидая его реакции.

– Это очень хорошее решение. Надеюсь, у тебя все получится.

Его ответ почему-то вызвал неконтролируемое желание заплакать. Впервые за долгое-долгое время. И впервые за долгое время я испугалась, что мои мечты могут не осуществиться. А он неожиданно занял в моих несмелых мечтах свое особенное место. И то, что он вдруг исчезнет из моей жизни ужасно напугало.

Да, оказывается так бывает. После множества испытаний и разочарований неожиданно появляется особенный человек, и ты, даже толком не коснувшись его, чувствуешь, что он важен тебе. Что все это не просто так.

Часть 8

– И где ты шлялась так долго? – вместо приветствия с ходу выдала мать. Нахмуренные брови, недовольные лицо. Все как обычно, другого я и не ждала.

– Ездила в Лазурное, – вздохнув, опустила на свободный табурет сумку.

– В Лазурное? Зачем это?

– По делам.

– И какие у тебя могут быть там дела?

Пропуская мимо ушей ее ворчание, я, зная, что сейчас получу и за это тоже, приложив усилия открыла-таки окно. Деревянная рама долго не поддавалась, видимо, пребывая в шоке, что в кои-то веки у кого-то дошли до нее руки.

В комнату сразу же проник свежий ветерок, разбавляя затхлость давно не проветриваемого пространства.

– Зачем окно открыла? – сразу же взбеленилась родительница. – Хочешь, чтобы воры забрались?

– Да какие еще воры, прекрати! Дышать нечем.

– Дышать нечем... Мне вот есть чем! Так зачем в Лазурное таскалась? – повторила она, прожигая меня взглядом через линзы очков.

Словно почувствовала, что там меня может интересовать только одно. Только вот она еще не знает, что *я знаю*.

– Мне тридцать лет, мам. Ты реально хочешь устроить до-

прос?

Собрала сложенные в горку грязные тарелки, что она оставила после обедов-ужинов. Дойти до кухни, положить себе то, что я приготовила, она в себе силы нашла, а убрать за собой как обычно не обязательно.

– И на чем ездила? На такси небось? Прорву же денег поди стоило.

Я пару секунд подумала, сказать ей правду или солгать, но потом решила – пусть знает. Все равно рано или поздно выведает.

– Меня Роман отвез. Сам предложил.

– Роман это который? Который наш жилец, что ли?

– Да, он.

Она определенно удивилась, но, что странно, никак не прокомментировала. Почмокала губами, что-то побурчала под нос. А потом выдала.

– Мужик-то хороший, но такая как ты не больно ему нужна.

Я закатила глаза. Все как обычно, ничего нового.

– Не молодая уже девчонка, вдова. Да и не красавица.

К этому я тоже привыкла с раннего детства. Едва только мне исполнилось тринадцать, и у меня начала округляться фигура, расти грудь, она вечно находила повод чтобы меня унижить.

" – И чего сутулая такая? Сисек, что ли, стесняешься? Да

у тебя их и нет, прыщи одни"

" – А чего жопа такая толстая стала? Вон, посмотри в зеркало на себя, скоро ни в одни штаны не влезешь "

" – Куда юбку по самую натянула? Ноги кривые, нашла, что показывать "

Самое страшное, что я верила каждому ее слову и действительно считала себя несимпатичной. Гора привитых комплексов не давала мне спокойно выдохнуть, и лишь благодаря отцовскому авторитету я не стала в школе грушей для битья.

Папа был известным человеком в поселке, его уважали, кто-то даже побаивался. Даже после того как он съехал от нас меня все равно не трогали.

Я не верила, что могу действительно кому-то понравиться, поэтому когда на меня обратил внимание Максим – парень, который приехал отдыхать сюда со своей семьей на лето, я не могла поверить своему счастью. Я сразу же влюбилась, витала в облаках. За что и поплатилась.

Тогда я на все смотрела иначе и многого не понимала. Например того, что мать видела во мне, подрастающей, ту, которой ей уже никогда не стать. Молодую и да! – стройную. У которой вся жизнь еще впереди. Она мне словно... завидовала, а я этого не понимала.

Не понимала и то, что мальчики в период колоссального гормонального бума в своем подрастающем организме гото-

вы наплести тебе все, что угодно, лишь бы заполучить свое.

Не понимала... но прошлого уже не вернуть. Да я и не хотела.

Обиды я оставила там, за спиной, носить постоянно с собой этот груз – только замедлять шаги вперед. Все вышло так, как вышло. Но есть вещи, за которые я мать так и не простила. И не прощу уже никогда.

– Так что уши слишком уж не развешивай, поняла? – продолжала ворчать она. – Чтобы потом в дурочках не остаться как обычно.

– Хорошего вечера, – игнорируя поток привычных унижений, я вышла из ее комнаты.

– Куда?! Окно-то! Окно! – полетело мне в спину.

Встанет и закроет сама.

Я обошла дом, и ощутила как тепло зашло в сердце, когда увидела в летнем домике свет. Он остался здесь. Не уехал.

Утром мы проснулись довольно рано, в одно и то же время, не сговариваясь. Никакой неловкости не было, никто не краснел, не заикался и не извинялся за то, что ночью случайно задел своей пяткой большой палец другого.

Мы приняли по очереди душ, позавтракали в том же кафе, а потом поехали домой. Мы разговаривали по пути, но никто из нас не затрагивал никаких тем-триггеров. Ничего личного. Так, говорили о погоде, о фильмах, что вышли в прокате, о книгах. Когда приехали, мне сразу стало грустно. Я боялась, что он высадит меня и уедет. Но он остался, и это

то, что заставляло меня улыбаться.

Недолго думая я прошла мимо своего дома и остановилась возле его двери. К слову, она была открыта, единственную комнату от лишних глаз скрывала только занавеска, защищающая в вечернее время от надоедливых насекомых.

Заглядывать я не стала, прислонилась плечом к косяку.

– Ром, у тебя, наверное, еды никакой? У меня, если честно, тоже, меня же не было вчера. Но я могу яичницу приготовить. С колбасой. Любишь?

Тишина.

– Ром?

Он снова ничего не ответил.

Я аккуратно отодвинула занавеску и заглянула внутрь. Роман спал, распластавшись на неудобной узкой односпальной кровати. Пружинистая перина провисла под ним, я помнила, как неудобно на ней спать, ведь когда-то это была моя кровать. Но ему, видимо, было все равно.

Глядя на него, такого умиротворенного сейчас, я впервые подумала о том, а спал ли он вообще этой ночью?

Может быть его все-таки смущало мое соседство или тревожили мысли-демоны. Хотелось бы первое, но почему-то казалось, что все-таки второе.

Он хороший человек. Красивый, статный, наверняка надежный мужчина. Но он точно что-то скрывает.

Утром я проснулась рано, перед работой нужно было еще

переделать массу дел. Душ в моей половине был, но что-то там случилось с напором, вода лилась тоненькой унылой струйкой. Под такой не то, что голову помыть – руки сполоснуть толком не выйдет.

Недолго думая я повесила на плечо полотенце, взяла в руки шампунь и пошла на задний двор, где у нас расположился летний душ. Чаще всего в баке не было воды – некому было наполнить, но вчера прошел такой ливень, что быстро вымыть голову точно хватит.

Я шла думая о своем, над головой шныряли гигантские стрекозы, которые в этом году как с ума посходили, кружа с утра до ночи словно вертолеты. И хоть солнце еще только-только выходило из-за гор, а не стояло в самом зените, им было наплевать – уже спешили по своим делам.

Я наступила на деревянный помост и без задней мысли дернула на себя хлипенькую дверь кустарной душевой. И тут же остолбенела – спиной ко мне стоял обнаженный Роман.

Часть 9

Он смывал шампунь, по-мужски грубыми движениями сбрасывая с волос воду смешанную с хлопьями пены. Она не падала сразу на пол – стекала по его широкой спине, ягодицам, бедрам. Это была настолько завораживающая картина, что я даже не сразу поняла, что вообще-то вломилась в душ к чужому мужчине и внаглую стою и смотрю как он моется.

Он тоже не сразу услышал меня, но почувствовал неладное до того, как я успела захлопнуть за собой дверь. Обернулся, выпевив взглядом мою исчезающую за полотном фигуру. Как стыдно! Я же не тринадцатилетка в летнем лагере! Но вела себя именно так.

Я не просто смотрела на него, я им любовалась, впервые за долгое время ощутив прилив здорового женского желания.

Это стало своего рода откровением, потому что казалось, что эта тема для меня теперь надолго закрыта. Но как вышло, очень даже нет. И что теперь с этим делать?

Мне было настолько неловко снова высовывать нос из дома, что пришлось греть чайник и кое-как мыть голову в ванной, на что было потрачено непозволительно много времени. Затем я быстро собралась на работу и, решив, что мать как-нибудь обойдется этим утром без меня, все-таки вышла на улицу. И конечно сразу же столкнулась с Романом.

Он свеж, бодр, причесан. И одет.

Перед глазами сразу же всплыла увиденная ранее картина. Хотя положила руку на сердце – она никуда и не уходила.

– Привет, – включив безмятежность, поздоровалась я.

– Привет.

Конечно, он меня видел. Конечно решил, что я извращенка, подсматривающая за мужчинами в душе. Какой же позор.

– У нас с напором что-то. Вода еле льется.

– Да, я заметил, – как мне показалось хитро улыбнувшись кивнул себе за спину он. – Я принимал душ там, в саду.

– Я знаю, – вздохнула я, признавая вину. После этого мы одновременно рассмеялись, что сразу же сняло мое напряжение. – Мне ужасно стыдно! Надо было постучать. Не подумай, что я делаю так всегда...

– Уже подумал. Поэтому у вас останавливается так мало туристов?

– Боже, ты вгоняешь меня в краску, – я снова рассмеялась.

Мы вышли вместе за ворота, он пикнул брелком, разблокируя дверь авто.

– Я подвезу тебя, – не предложил – поставил перед фактом.

– Хорошо, – я не стала ломаться. К тому же я сама этого хотела. И даже не потому что было лень ждать автобус, хотелось провести время с ним.

– Позвони матери, скажи, что днем придет электрик, – выезжая на главную дорогу сказал он. – А то прогонит его, решит, что чужак.

– Электрик? Зачем?

– Фонарь же перегорел.

– Не нужно было... ну зачем...

– Я бы сам посмотрел, но нужна высокая лестница. Как я понял, такой у вас нет.

– Совсем нас избалуешь, – пошутила я, испытывая чувство настолько острой благодарности, что не передать словами. Никто для меня давно ничего искренне не делал. Просто так. Не ради чего-то, а от души. – Сядем с мамой тебе на шею. И я-то еще ладно, но мама... придется как следует подкачаться. Хотя, стоит признаться, фигура у тебя и так, что надо, – и ощутила, как слегка покраснела, чего со мной кучу лет уже не случалось. – Если хочешь, тоже можешь зайти ко мне в душ. Ну, чтобы все по-честному.

Он перевел на меня смешливо-вопросительный взгляд.

– Кажется, я что-то не то несу, да? – и снова смех, но уже слегка истерический. – Извини, я просто давно не видела голого мужчину. Помутился рассудок.

На позитиве мы доехали до больницы, и кто бы знал, как мне не хотелось начинать этот рабочий день. Хотелось кататься с ним по дорогам, болтать, смеяться, даже просто молчать.

Я не хотела с ним расставаться. И это уже стало превращаться в проблему.

– Ты тоже на работу, да?

– Да, нужно поработать, – кивнул он задумчиво.

Следующий вопрос дался с трудом. Я затаила дыхание, когда ждала ответа.

– А вечером... ты вернешься?

Он посмотрел на меня. Глаза в глаза.

– Вернусь.

И он действительно вернулся. А я действительно ждала. Не стояла у окна вздыхая, но нет-нет, да прислушивалась, не шуршат ли шины за калиткой.

Я уже час как вернулась с работы, успела прибраться, бросить на сковороду заготовленные ранее замороженные котлеты и поставить воду на спагетти. Пока закипала вода, заглянула к матери, чтобы в очередной раз поймать в свою сторону порцию претензий.

– Сегодня днем ремонтник приходил, фонарь починил, – нахмурившись, проворчала она, словно вменяя мне это в вину.

– Да, я знаю, – пока измеряла ей давление, бросила взгляд в окно и на душе стало светлее, как и на светлой сейчас улице.

– Этот оплатил. Постоялец наш.

– В курсе.

– Ну и правильно! Пусть раскошеливается! Думал, бесплатно будет под юбку лазить? Щас.

– Мам! Ну что ты несешь такое! – я начала злиться. И не потому что она выставила меня девицей легкого поведения,

а потому что обвинила его в том, чего он не заслуживает. — Между нами ничего нет и не было. Мы друзья.

— Ой, брось заливать, не совсем еще из ума выжила. Дружбы между мужиком и бабой отродясь не бывало.

— Думай, что хочешь, — махнула рукой я, убирая тонометр.

Сердце застучало громче, когда в окне мелькнула знакомая уже тень. Приехал!

— Глаза как у кошки мартовской, нет у них ничего, ага, — хрипло хихикнула мать, заметив мою предательскую реакцию. — Ну так-то я не против, только вот как говорила, что такая как ты ему не ровня, так и буду говорить.

— Я пошла. У меня вода на плите.

Обойдя дом, я быстро метнулась на кухню и перевернула котлеты. Не сгорели.

Пока открывала пачку спагетти, засыпала в воду, не отрывала взгляд от окна напротив, где тоже горел свет. Занавеску он не задвинул, поэтому было хорошо видно как он скидывает футболку, стоя спиной к окну, меняя ее на другую, темнее цветом.

То ли гормоны решили вдруг разыграться, то ли конкретно его фигура дала такую реакцию, но я ощутила как загорелись щеки и в голове зароились совершенно непристойные мысли.

— Вот черт! — выругалась я, когда вода, выкипев, залила плиту.

Пока убирала последствия своего невнимания, упустила,

как объект моих постыдных фантазий показался по ту сторону окна.

– Привет, – сложил локти на подоконнике. – Чем это у тебя так вкусно пахнет?

– Котлетами. Ты ужинал?

– Если честно, то нет.

И кто бы знал, как меня обрадовал этот факт.

– Тогда заходи. Не люблю есть в одиночестве.

Он поднялся, и я почувствовала себя совсем взволнованной. Ну просто как девчонка малолетняя. А ведь раньше такой реакции не было, но чем ближе мы становимся, тем сильнее я начинаю испытывать к нему совсем уже не двойкие чувства.

Я не была готова к такому. Чувства не входили в мои планы. Особенно сейчас, когда я решила заняться удочерением Риммы. Ну какому нормальному мужику без детей нужна женщина со взрослым ребенком из детдома?

А... без детей ли?

Только сейчас я поняла, что не знаю, есть ли у него дети. Он же был женат, возможно, у него есть сын или дочь. Возможно, даже уже взрослые и вообще не один, а целая футбольная команда. Я же вообще ничего о нем не знаю...

Эта внезапная мысль поставила вдруг в тупик.

– Сейчас, салат порежу... – отвернулась, раздумывая над тем, что только пришло в голову. – Я быстро.

– Давай я, – предложил он. – Где у тебя овощи?

Я растерялась.

– В холодильнике. На нижней полке. Огурцы, помидоры, редис. Зелени побольше возьми. Лук, петрушка, даже кинза вроде бы завалилась. Любишь?

– Очень.

– Тогда тем более бери больше, не стесняйся.

За одиннадцать лет брака мой муж никогда не принимал участия в готовке. Так же как не мыл за собой посуду и даже не убирал разбросанные носки. Он искренне считал, что все это исключительно женское дело. Я не слишком была с ним согласна, но приходилось мириться с тем, что есть. Мужья моих подруг вели себя практически так же, так что хорошего сравнения не было, чтобы ткнуть им супругу в лицо и сказать: "вот, а ты говорил!".

Именно поэтому я так сильно удивилась, когда Роман по-хозяйски достал овощи, вымыл их, сам нашел разделочную доску и принялся рубить огурцы как заправский повар.

Нормальность этой картины заставила защищать глаза.

Не надо, не будь таким. Ведь потом так больно будет все это потерять...

Пока он занимался салатом, я разложила спагетти по тарелкам, сняла со сковородки румяные котлеты, достала приборы, салфетницу, специи и красиво (как никогда!) расставила все на столе.

– Готово! – повернулся он, демонстрируя полный салатник.

– После этого тебе придется на мне жениться, – пошутила я. – Так меня еще никто не подкупал.

– Это всего лишь салат. Я люблю готовить.

– Серьезно?

– Да. Я раньше часто готовил, когда... был женат.

Осекся. И на лицо легла тень.

Он до сих пор любит ее. Любит ту женщину, – неприятно осенило меня.

Ревность – ужасное чувство, очерняющее душу, лишаящее покоя и сна. И в ту минуту я ощутила ее – жгучую ревность. К его бывшей жене. По какой бы причине они не расстались, он не отпустил ее.

– Ну что, садимся ужинать? – преувеличенно бодро предложила я, хотя на душе скреблись кошки.

– С удовольствием, – он улыбнулся мне, вроде бы искренне.

Мне, а не ей.

– Как прошел день? – спросил он, откусывая котлету. Я, закусив губу, следила за его реакцией. Мне было крайне важно, чтобы ему понравилось. И кажется, судя по реакции, все-таки не опозорилась. Выдохнула.

– Да как обычно. Куча больных то с одним, то с другим, – намотала на вилку спагетти. – У нас же обычная городская больница, одна на весь наш поселок и плюс на мелкие соседние. Там и переломы лечат, и воспаление легких, и ангину, и небольшие операции делают. И рожают тоже там. Побегать

приходится, особенно в летний сезон – это значит плюс туристы со своими неожиданными проблемами типа ротавируса и отравлений. Чаще чрезмерным употреблением горячительных напитков.

– То есть скучать не приходится.

– Увы, нет. Но, кстати, не смотря на занятость, сплетни собирать коллеги мои время находят, – решила поделиться. Пусть знает. – Сегодня вся больница обсуждала, что утром меня привез на работу мужчина. И хоть на машине с шашечкой такси, но точно не просто таксист. Мы же разговаривали сидели, они это подсмотрели, и мгновенно сделали свои выводы.

– Пусть болтают, что хотят.

– То есть тебе все равно, что нас посчитали парой?

– Это для меня честь.

– Ой, все, – щеки снова позорно заалели. – Ты вообще не обязан подмазываться из-за того, что я накормила тебя котлетами.

– Между прочим очень вкусными.

– Точно подмазываешься! – я швырнула в него смятой салфеткой, он засмеялся, и в этот душевный момент по закону жанра появился третий. И точно лишний.

Часть 10

– Приве-ет! – в дверном проеме нарисовалась обгоревшая на солнце мордашка Веры. – Ой, я не вовремя, да? Ты тут не одна, оказывается.

Оказывается? Актриса. Я видела в окно, как Вера наблюдала за тем, как я болтаю с Романом. И как он потом вошел ко мне она тоже точно видела. И разумеется не могла пропустить такой уникальный шанс попробовать закадрить интересного мужчину. А она обязательно будет это делать, я знала ее как свои пять пальцев. Верка не будет Веркой, если он пустит в ход свои женские чары. Другой вопрос поддастся ли он...

Вот и проверим.

– Заходи, мы тут ужинаем. Будешь?

– Макароны? Не-ет. Я за фигурой слежу, – и добавила кокетливо: – После шести не ем.

Я чуть не засмеялась: и давно ли?

Но решила не уличать ее во лжи при посторонних, для которых эта ложь и предназначалась.

– Тогда просто садись с нами, – не прогонять же. – Чай себе налей.

– А у меня вон чего, – пьяненько хихикнула, продемонстрировав банку коктейля. И тут же начала оправдываться глядя на того, ради кого пришла: – Не подумайте, я не то

чтобы часто. Иногда, под настроение вечером. День еще такой был дурацкий, не грех, как говорится.

– Это Роман, наш сосед, – без особой радости представила я. – А это Вера. Моя одноклассница.

– И подруга. Лучшая, – добавила она, плюхаясь на стул в непосредственной близости от Романа. Поставив локоть на стол, положила подбородок на ладонь и повернулась к нему всем корпусом. Ничуть не смущаясь, что человек вообще-то ест и ему может быть неприятно такое пристальное внимание. – А вы надолго к нам?

– На все лето.

– Правда? Здорово как. У нас красиво, да? Люблю наши места, никакими пирогами меня отсюда не выманить. Город... что город. Высотки одни, торговые центры, парковки на каждом шагу. Дышать нечем, одни газы выхлопные. А то у нас. Красотища же!

– Это правда. Очень красиво.

– А вы были на нашем пляже? Не вот этом, где куча туристов плещется в большой грязной луже, а нашем личном. Диком. О нем мало кто знает.

– Если честно, отдыхать у меня особенно времени нет.

– Это да. Кому сейчас легко. Но вы просто обязаны там побывать. Водичка чистейшая! И воздух такой свежий. Там еще ручей течет, говорят, целебный какой-то, но я если честно не проверяла. Вода там леденючая, аж зубы сводит! Так, подождите, с чего я начала...

Она болтала, болтала и болтала не замолкая ни на секунду. Рассказывала о своей приукрашенной жизни, засыпала многочисленными, часто не тактичными, вопросами и откровенно флиртowała, даже не пытаясь это хоть как-то для приличия скрывать.

Он улыбался, глядя на меня взглядом: "и что это за чудо?", я улыбалась ему в ответ, посылая мысленное: "потерпи".

Она не понравилась ему, как бы Вера не лезла из кожи вон. Я увидела это сразу и признаюсь – выдохнула.

– ...я вообще работать там не собралась, но выбора не было, как раз ковид начался. Ой, помните вообще, что тогда творилось? Капе-ец...

– Ма-ам, ты тут? – отодвинув тонкую занавеску от мошкеры, на веранду заглянула Ника. Выкрашенные розовые пряди, черные неумелые стрелки и мрачная безразмерная футболка выдавала в ней типичного подростка. Который, к слову, слишком рано принялся взрослеть. – Там тебя ба ищет, – кивнула себе за спину, флегматично пережевывая жвачку. – Иди.

– Ну чего ей надо? Скажи, что я занята, – отмахнулась Вера.

– Не прокатит. Она злая какая-то.

– Да ну блин! В жизни раз отдохнуть решила, – бубня под нос, поднялась, прихватив свою почти допитую банку. – Я потом забегу еще, ладно? Если вы не против. Узнаю чего ей

надо и приду.

– Давай лучше завтра, хорошо? – поторопилась изменить ее планы я. – Мне скоро спать, утром на работу рано. Роман тоже уходит.

– Ну оке-ей, – протянула она недовольно. – Тогда в другой раз. Может, в выходные на пляж метнемся? Ну, на то наше старое место. Как раз Роману покажем, с тарзанкой попрыгаем.

– Посмотрим, – теряя терпение отмахнулась я. – Ну беги, тетя Маша ждет.

– Приятно было познакомиться, Роман, – изобразив лучшую из своих улыбок, Вера приняла наиболее выгодную позу. Только локон на палец не наматывала, а так все по канону соблазнения. – Еще увидимся.

– Обязательно, – с легкой улыбкой подтвердил он, а когда она вышла, едва не изобразил "рукалицо". – Давно я не получал сколько разнообразной информации за такой короткий срок.

– Верка болтливая, да, но хорошая. Открытая, беззлобная. Только вот в личной жизни ей не слишком везет. Эта девочка – ее старшая дочь Ника. Она родила ее рано, едва восемнадцать исполнилось.

– Старшая? А есть еще?

– Да, целых двое. Насте семь и Ванюшке четыре.

– Ничего себе! – присвистнул он. – Такая молодая и уже многодетная. Впрочем, молодец, дети это же всегда счастье.

Он сам того не ожидая ступил на шаткую ступень нашей беседы. Я вцепилась в кружку с чаем и опустила глаза.

Пришло время узнать ответ на терзающий меня вопрос.

– А у тебя есть дети, Ром?

– Своих нет, – показалось, что ответ его прозвучал как-то глухо.

– Своих? – зацепилась я, подняв на него взгляд. – Прости, не совсем поняла...

– Это долгая история.

Видимо, осознав, что ответ его прозвучал примерно как "не твоё дело", сразу же попытался исправить ситуацию:

– Просто эта тема... она для меня не самая приятная. Так хорошо сидим, не хочу портить ни своё, ни твоё настроение. Я расскажу тебе, как-нибудь позже, ладно?

– Ты ничем мне не обязан, Ром, – уж кому как не мне знать, что у каждого есть свои темы-триггеры и спрятанные в самом дальнем и пыльном шкафу скелеты. – Если не хочешь говорить об этом, можем больше никогда не затрагивать эту тему.

– Ты рассказала мне о своём прошлом, будет справедливо, если ты тоже узнаешь что-то обо мне.

– О, поверь, я рассказала лишь малую часть, – невесело усмехнулась. – Если бы ты узнал все, возможно, не сидел бы сейчас здесь. А бежал без оглядки.

– Боюсь, если бы ты узнала все *обомне*, то на порог бы точно не пустила.

– Выходит, мы отличная пара, – хохотнула я, не придав его словам большого значения. – У каждого есть то, что нужно надежно оберегать от чужих глаз и ушей. Еще чаю?

– Я, наверное, пойду. Тебе действительно на работу рано.

– Если честно, я сказала это чтобы отделаться от Верки, – я со смехом махнула рукой. – Если ее не выдворить, она может так до утра сидеть и трещать без умолку. На самом деле я редко раньше полуночи ложусь.

– А что там у вас за пляж такой? – поменял тему он.

– Есть у нас тут недалеко, действительно дикий, туда только местные ходят, – собирая со стола тарелки, принялась рассказывать я. – Хороший, чистый. Там знаешь, даже не галька, а больше песок. Мелкие-мелкие камешки, не крупнее пшеничного зернышка. Когда хочется тишины, поплавать днем там самое место. Ну или покутить с друзьями вечером, чтобы никто не мешал, не жаловался на шум. Я сто лет там не была, в последний раз, когда отмечали там мой день рождения. Страшно сказать – двенадцать лет назад.

– А когда у тебя день рождения?

– В эту пятницу, – без слишком большого желания призналась я.

– В эту пятницу, значит... – задумался. – Я не знал.

– И нечего знать. Для меня мой день рождения давно перестал быть чем-то особенным. День как день. Максимум на работе девчонкам стол небольшой соберу: пицца, торт, вино. Так, по мелочи. И то не потому, что хочу, так положено.

– А если бы вдруг захотела отметить, поехала бы на тот дикий пляж?

Я задумалась. Вот буквально пару недель назад я бы ответила, что вообще никуда бы не поехала, осталась дома. Но к своему даже некоторому стыду мне так понравилось в Лазурном. То уютное кафе, музыка, атмосфера. Только там на какое-то короткое мгновение я почувствовала себя свободным счастливым человеком. Не обремененным тяжелым грузом прошлого, без адовой кучи долгов, которая за полтора года вытянула из меня все соки. Без проблем, что предстоит в связи с удочерением Риммы. Без страха, как она примет меня. Какой будет наша жизнь.

Там, в компании Романа, я просто была собой. И как же это оказалось здорово.

– Нет, не хотела бы туда, – решительно тряхнула головой.
– Там слишком тихо, настолько, что мысли оглушают. Сама не верю, что говорю это, но я бы хотела поближе к людям. Веселью, музыке, суете. Хотела бы послушать шум прибоя. Как шуршит галька, когда на нее накатывает волна. Послушать отвратительные пение в уличном караоке и может быть даже напиться до чертиков и сфальшивить пару хитов.

Я сама не поняла, как начали увлажняться глаза. Почему, от чего...

Я включила воду, вспенила губку и, не оборачиваясь на Романа, принялась остервенело намыливать посуду.

– Эти полтора года я как будто и не жила. Так, существо-

вала. Да, я не носила траур все это время, ты в курсе почему. Но все равно бесследно все не проходит. На меня слишком много тогда навалилось, я осталась одна, без поддержки, с неподъемным для меня долгом. Одно мое возвращение сюда стало тем еще испытанием на прочность. Я клялась, что никогда, ни за что... но как видишь, нельзя бездумно ронять клятвы. Я так устала тянуть все на своих плечах. Так устала...

Вздрогнула, когда ощутила, что он стоит на моей спине, а когда его руки обвили мою талию – деликатно, мягко, в знак поддержки – я расплакалась. Бросив незнакомую тарелку в раковину, обернулась и обняла его. Уткнулась носом в его грудь и продолжила рыдать уже больше от нахлынувших новых для меня эмоций. Я не справлялась с их мощностью, их обилием.

Для кого-то то, что произошло со мной с его появлением не стоило бы ровным счетом ничего, для меня же это стало шагом в какую-то новую для меня жизнь.

Прекратив наконец ронять слезы, я, ощущая неловкость, отпрянула от него, зачем-то принялась "отряхивать" мокрое пятно на его футболке.

– Извини, я тебя тут... намочила немного.

– Не страшно, – ответил он и мягко перехватил мою ладонь. Какое-то время держал так, глядя сверху вниз. Четко, прямо, глаза в глаза.

Видит Бог, на какую-то грешную секунду мне показалось,

что он поцелует меня сейчас, но этого не произошло – он выпустил мою руку, лишив тем самым точки опоры, и отошел.

– Все будет хорошо, Надь. Все обязательства будет хорошо.

– Я знаю.

– Спокойной ночи, – сделав пару шагов спиной назад, он резко развернулся и покинул мой дом.

– Надь! Надюха, ты спишь?

Я, сонная, поднялась с постели, отодвинула занавеску и увидела за окном Веру. Потом метнула взгляд на часы: до звонка будильника осталось семь минут.

– Ты чего это с утра пораньше? – распахнула створку, вдохнув свежесть раннего утра.

– Открывай, кое-что показать хочу, – Верка продемонстрировала зажатый в руках телефон, а потом метнула быстрый взгляд на летний домик: – Кое-что интересное.

– Ну заходи.

Открыв дверь, впустила подругу в дом, и та сразу же заполонила мое сонное царство своим присутствием.

– Я думала, ты проснулась уже. Тебе ж на работу.

– Да вот, только собиралась, – потерла глаза, зевнула. – А ты чего не спишь?

– Так я привыкла рано вставать. Мелкого в сад скоро поведу.

– Понятно, – и бросила взгляд в окно на противополож-

ный домик. Ни света, ни открытой двери. Никаких признаков жизни. – Так ты чего пришла-то в такую рань? – перешла к делу.

– Пока ты дома, решила поймать. Короче, вот мы вчера когда сидели тут у тебя, я поближе его рассмотрела, Романа этого, и все никак не могла отделаться от мысли, что где-то я его уже видела.

– Ты уже это говорила. Ну и?

Зазвонил будильник. Я машинально его отключила.

– Ну и я поняла, где именно! – с победным выражением заключила Верка, но счастливой при этом не выглядела. – Домой пришла, в поисковик вбила и вот. Сама смотри, ты офигеешь.

Протянула мне свой телефон, с открытой вкладкой. А там короткая статья...

Только теперь я поняла суть выражения – мурашки с кулак. Именно их я, читая, и ощутила.

Часть 11

На работе я не переставала думать о том, что узнала о Романе из той статьи. Все сразу же встало на свои места. И как я сразу не догадалась, не вспомнила... Хотя разве до этого мне в тот момент было?

Его история прогремела тогда на весь город, но у меня в то время случилась своя – погиб Толик, и мне было ни до чего.

Стало понятно, почему он такой закрытый. Откуда столько тоски в глазах. Отпали вопросы почему он не хочет открывать дверь в свое прошлое, ведь оно действительно было ужасным. Таким, что не хочется вспоминать.

– Исаева! Ты чего мечтаешь сидишь? – заглянула в ординаторскую коллега Инна. – У нас дел что ли нет?

– Так с утра вроде тихо сегодня.

– Будет сейчас громко, не волнуйся. Вон, – кивнула на окно. Я перевела взгляд туда же и увидела стайку девочек-подростков, шагающих к во

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.